

Маргарита Фуюро. Лиссбет Котцова

The poster features a woman with long brown hair in a red velvet jacket in the foreground, looking intensely at the viewer. Behind her, a man with a beard and dark hair looks down. In the background, a woman in a red dress stands on a rooftop with a city skyline at night. The title is written in large, glowing red letters at the bottom.

Измeнa.

Ты думал,
я не узнаю?

Маргарита Фуаро

Измена. Ты думал я не узнаю?

<https://litres.ru/74205619>

Аннотация

ФИНАЛ Стася думала, что знает своего мужа. Антон был её домом, её опорой, её привычным «мы». Пока однажды ночью на его телефоне не вспыхнуло сообщение от другой женщины.

«Ты сказал, что скоро скажешь ей. Я больше не хочу быть тайной».

С этого момента привычная жизнь рассыпается. Любовница Милана уверена, что Антон просто давно несчастлив в браке. Свекровь требует «женской мудрости». Сам Антон пытается убедить Стасю, что всё можно решить спокойно - если она не будет мешать ему уйти удобно.

Но измена оказывается только началом.

За красивыми словами Антона скрываются долги, ложь, угрозы и попытка забрать то, что принадлежит Стасе по праву. И теперь ей предстоит не просто пережить предательство, а научиться защищать себя, свой дом и свою правду.

Она больше не будет молчать.

Он думал, она не узнает.

А она узнает всё.

Содержание

Глава 1. Ты думал, я не узнаю?	4
Глава 2. Женщина, которая больше не верит	22
Глава 3. Любовница с правом голоса	64
Глава 4. Когда он понял, что я не шучу	105
Глава 5. Отец, который сказал правду	134
Глава 6. Подать первой	163
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Глава 1. Ты думал, я не узнаю?

Я всегда думала, что измена пахнет чужими духами.

Ну знаете, как в дешёвых сериалах: муж возвращается домой поздно, воротник рубашки хранит след помады, от него тянет сладким незнакомым ароматом, а жена стоит в коридоре с его телефоном в руках и всё понимает.

Я ошибалась.

Измена пахла иначе.

Она пахла холодным ужином, который я в третий раз уби-
рала в холодильник.

Пахла остывшим чаем в моей кружке.

Пахла его коротким:

— Я задержусь.

Без объяснений. Без сожаления. Без привычного: «Стася, не жди, поешь сама».

Просто: «Я задержусь».

И всё.

Телефон погас в моей руке, а я ещё несколько секунд смотрела на экран, будто там могли появиться новые слова. Более тёплые. Более живые. Более похожие на моего Антона.

Но экран молчал.

Я сидела на кухне в нашей новой квартире, которую мы купили всего два года назад. На стене тикали круглые белые часы, которые Антон сам выбирал в магазине и шутил, что

теперь у нас будет «семейное время». Тогда он обнял меня сзади, уткнулся подбородком в моё плечо и сказал:

— Главное, чтобы мы всегда возвращались домой друг к другу.

Я тогда рассмеялась.

Глупо. Счастливо. Беззащитно.

Потому что верила.

А теперь часы тикали слишком громко.

На плите стояла паста с креветками — его любимая. Салат уже пустил сок. Свеча на столе догорела почти до середины, хотя я зажгла её просто так, без повода. Просто захотелось немного уюта. Немного праздника среди будней.

Мы давно никуда не выбирались.

Антон всё чаще работал допоздна, всё чаще уставал, всё чаще смотрел сквозь меня, будто я была частью интерьера: кухонным шкафчиком, вазой на столе, мягким пледом на диване.

Удобная.

Привычная.

Всегда на месте.

Я поднялась, подошла к окну и посмотрела вниз.

Наш двор был залит жёлтым светом фонарей. По мокрому асфальту медленно ехала машина такси. У соседнего подъезда мужчина помогал женщине выйти из автомобиля, придерживал её за локоть, а она смеялась, запрокинув голову.

Так просто.

Так легко.

Я поймала себя на зависти к чужому смеху и сразу стало стыдно.

— Стася, ты превращаешься в унылую жену из анекдотов,
— пробормотала я себе под нос.

Но голос прозвучал не смешно.

Он прозвучал жалко.

Я выключила плиту, переложила ужин в контейнер и убрала в холодильник. Потом вытерла стол, хотя он был чистым. Поправила салфетки. Переставила чашку. Открыла шкафчик. Закрыла.

Делала всё, что угодно, только бы не думать.

Но мысли всё равно лезли в голову.

Почему он стал другим?

Когда именно?

В какой день мой муж начал уходить от меня, всё ещё возвращаясь домой?

Я не могла назвать точную дату. В этом и была самая страшная часть.

Измена, если это была она, не вошла в наш дом с громким хлопком двери. Она просочилась тихо. Через мелочи.

Сначала Антон стал ставить телефон экраном вниз.

Потом поменял пароль.

Потом начал брать мобильный с собой даже в ванную.

Потом у него появились «совещания», которые заканчивались ближе к полуночи.

Потом он перестал целовать меня утром.

Нет, не сразу. Сначала поцеловал торопливо. Потом в щёку. Потом просто сказал:

— Я побежал.

А однажды и вовсе ушёл, пока я ещё спала.

Я тогда проснулась от звука закрывающейся двери и долго лежала, глядя в потолок. Подушка рядом была холодной.

Холодной.

Как будто он не спал рядом со мной вовсе.

В замке щёлкнул ключ.

Я вздрогнула.

Сердце почему-то ударило так сильно, будто я не мужа ждала, а приговор.

Дверь открылась. В прихожей зашуршала куртка, потом послышался тяжёлый вздох.

— Стася? Ты дома?

Я горько усмехнулась.

Где же мне ещё быть в половине двенадцатого ночи?

— На кухне, — ответила я.

Антон вошёл не сразу. Сначала, как всегда в последнее время, задержался в коридоре. Я уже знала этот звук: он доставал телефон, что-то быстро проверял, может быть, писал сообщение. Потом блокировал экран и только после этого появлялся передо мной.

Он вошёл в кухню в тёмном пальто, с ослабленным галстуком и усталым лицом.

Красивый.

До обиды красивый.

Антон вообще всегда был таким мужчиной, на которого женщины оглядывались. Высокий, широкоплечий, с уверенной походкой и спокойным взглядом серых глаз. Когда мы только начали встречаться, мои подруги говорили:

— Стася, держи его крепче. Такие мужчины просто так не достаются.

Я держала.

Как умела.

Любовью. Заботой. Терпением. Верностью.

Только, как оказалось, мужчину нельзя удержать тем, что ты хорошая жена.

Он сам должен хотеть остаться.

— Ты не спишь? — спросил Антон, снимая часы с руки.

— Как видишь.

Он бросил взгляд на стол.

— Ты готовила?

— Да.

— Прости, я не успел предупредить раньше. Был сложный день.

Я посмотрела на него внимательно.

Слишком внимательно.

Он это почувствовал и отвёл глаза.

— Сложный день, — повторила я.

— Стася, не начинай.

Вот оно.

Любимая фраза виноватого мужчины.

«Не начинай».

То есть я ещё ничего не сказала, но уже виновата в скандале, который он сам принёс домой на подошвах дорогих ботинок.

— А я разве начала?

Антон устало потёр переносицу.

— У меня правда нет сил. Давай завтра поговорим.

— Мы уже третью неделю говорим «завтра».

— Потому что я работаю, — резко сказал он. — Я зарабатываю деньги, Стася. Для нас, между прочим.

Я медленно кивнула.

— Для нас?

Он посмотрел на меня.

— Что это значит?

— Ничего.

— Нет, скажи.

Я улыбнулась. Спокойно. Почти ласково.

— Просто интересно стало. У нас всё ещё есть «мы»?

На секунду его лицо изменилось. Будто я всё-таки попала туда, куда не должна была. В какую-то трещину, которую он тщательно заклеивал раздражением.

— Не говори ерунду, — тихо сказал он.

— Ерунду?

— Да. Ты накручиваешь себя.

Я усмехнулась.

— Конечно.

— Стася...

— Нет, правда. Очень удобно. Женщина чувствует, что муж отдаляется, замечает, что он врёт, видит, что он прячет телефон, но виновата всё равно она. Потому что «накрутила».

Антон сжал челюсть.

— Я не вру.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда покажи телефон.

Тишина.

Она упала между нами резко, тяжело, как тарелка на кафель.

Антон даже не сразу понял, что я сказала. Или сделал вид, что не понял.

— Что?

— Телефон покажи.

Он коротко рассмеялся.

Но смех был плохой.

Нервный.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Стася, это уже ненормально.

— Ненормально приходить домой почти ночью и делать вид, что жена идиотка.

— Я не делаю из тебя идиотку.

— Нет, Антон. Делаеть.

Он снял пальто и повесил его на спинку стула. Не в прихожей, как обычно. Здесь. Рядом. Будто хотел занять руками хоть что-то, чтобы не доставать телефон.

— Я не обязан отчитываться за каждый шаг.

— Муж не обязан, — согласилась я. — А вот мужчина, который врёт, обычно очень не любит показывать телефон.

Он резко поднял на меня глаза.

— Ты переходишь границы.

— А ты их уже перешёл?

Он молчал.

Я тоже.

И в этой тишине было больше правды, чем во всех наших разговорах за последний месяц.

Антон первым отвернулся.

— Я пойду в душ.

— Конечно.

Он вышел из кухни, и через минуту в ванной зашумела вода.

Я осталась стоять у стола.

Руки дрожали.

Не красиво, как в кино, а мелко и противно. Так, что пришлось сцепить пальцы, чтобы не уронить чашку.

Я не собиралась проверять его телефон.

Честно.

Наверное, какая-то часть меня всё ещё хотела сохранить достоинство. Не стать той самой женщиной, которая роется в чужих сообщениях, ищет доказательства, потом рыдает в ванной, прижимая телефон к груди.

Но иногда жизнь сама кладёт тебе правду в руки.

Телефон Антона лежал в кармане пальто.

Я заметила это случайно.

Экран мигнул.

Один раз.

Второй.

Потом ещё.

Я замерла.

Сердце стало биться медленнее, но тяжелее. Как будто внутри меня кто-то начал стучать кулаком в закрытую дверь.

Я не подошла сразу.

Сначала посмотрела в сторону ванной. Вода шумела. Антон что-то уронил, выругался вполголоса.

Телефон снова мигнул.

Я сделала шаг.

Потом ещё один.

Пальто пахло его одеколоном, дождём и холодной улицей. Никаких чужих духов. Никакой помады. Никаких следов преступления.

Только телефон.

Чёрный прямоугольник, в котором, возможно, была моя разрушенная жизнь.

Я достала его из кармана.

На экране горело уведомление.

Сообщение без имени. Просто номер.

Но текст был виден.

«Ты сегодня так быстро уехал... Я уже скучаю. Завтра в то же время?»

Я не закричала.

Не заплакала.

Не швырнула телефон в стену.

Я просто стояла и смотрела на эти слова.

Смотрела так долго, что они будто отпечатались внутри меня.

«Я уже скучаю».

Скучает.

По моему мужу.

По мужчине, который ещё утром пил кофе из моей кружки, потому что свою не нашёл.

По мужчине, которому я гладила рубашку.

По мужчине, для которого я готовила ужин.

По мужчине, который только что сказал мне: «Ты накручиваешь себя».

Вода в ванной выключилась.

Я быстро положила телефон обратно в карман пальто и отошла к окну.

На автомате.

Без мыслей.

Без дыхания.

Антон вышел через несколько минут. В домашних брюках, с влажными волосами, уже спокойный. Почти ласковый.

— Стася, — сказал он мягче. — Давай не будем ругаться. Я правда устал.

Я повернулась к нему.

И вдруг поняла одну странную вещь.

Боль не всегда приходит сразу.

Иногда сначала приходит ясность.

Холодная, звенящая, почти спокойная.

Я смотрела на мужа и впервые за долгое время видела его не таким, каким любила, а таким, каким он был сейчас.

Чужим.

Осторожным.

Лживым.

— Хорошо, — сказала я.

Он насторожился.

— Что хорошо?

— Не будем ругаться.

Антон явно ожидал другого. Слез. Упрёков. Истерики. Он даже подготовился к ним: плечи напряжены, взгляд усталый, голос заранее раздражённый.

А я улыбнулась.

Не широко.

Не счастливо.

Но улыбнулась.

— Ты поел? — спросила я.

— Нет.

— Паста в холодильнике. Разогреешь сам.

Он моргнул.

— Ты не будешь?

— Я уже не хочу.

Я прошла мимо него в спальню.

— Стася.

Я остановилась, но не обернулась.

— Что?

— Ты странная.

Вот теперь я почти рассмеялась.

Странная.

Конечно.

Жена, которая только что прочитала сообщение любовницы мужа, просто обязана быть немного странной.

— Просто устала, Антон.

— От чего?

Я медленно повернула голову.

— От того, что думала за двоих.

Он ничего не ответил.

А я ушла в спальню, закрыла дверь и села на край кровати.

Там, в полумраке, рядом с аккуратно заправленным одеялом, на котором мы когда-то лежали обнявшись и мечтали о будущем, меня наконец начало трясти.

Я прижала ладони к лицу.

Только не плакать.

Не сейчас.

Не когда он за стеной.

Не дать ему услышать.

Не дать ему понять, что он всё ещё может меня разрушить.

Я дышала медленно. Раз. Два. Три.

Потом встала, достала из шкафа свою старую коробку с документами и блокнотами. Там лежали наши свидетельства, договор на квартиру, страховки, банковские бумаги, фотографии из отпуска.

Я открыла верхнюю папку.

Наше свадебное фото выпало первым.

Я подняла его.

На снимке Антон смотрел на меня так, будто я была его миром.

А я смотрела на него так, будто он никогда не сможет меня предать.

Какая же я была глупая.

Нет.

Не глупая.

Влюблённая.

А это иногда почти одно и то же.

За стеной звякнула тарелка. Антон разогревал ужин. Мой ужин. Приготовленный руками женщины, которой он лгал.

Я положила фотографию обратно.

Потом достала телефон и открыла приложение банка.

У нас был общий счёт.

Общая ипотека.

Общие планы.

Общие друзья.

Общая жизнь, в которой, как выяснилось, только верность
была не общей.

Я пролистала последние списания.

Рестораны.

Такси.

Цветочный магазин.

Отель.

Пальцы остановились.

Отель.

Вчера.

Днём.

Когда Антон сказал, что весь день был на встрече с под-
рядчиками.

Я закрыла глаза.

Вот оно.

Не подозрение.

Не женская интуиция.

Не «накрутила».

Доказательство.

Я сделала скриншот.

Потом ещё один.

Потом открыла заметки и написала всего одну строку:
«Антон изменяет. Не устраивать сцен. Узнать всё».

Слова выглядели сухо. Почти делово.

Но именно это и спасло меня в тот момент.

Если бы я позволила себе почувствовать всё сразу, я бы захлебнулась.

Антон вошёл в спальню около полуночи.

Я лежала на своей стороне кровати, повернувшись к стене.

— Ты спишь? — спросил он.

Я закрыла глаза.

— Почти.

Он постоял немного, потом выключил свет и лёг рядом.

Матрас прогнулся под его весом.

Когда-то от этого движения мне становилось спокойно. Я знала: он рядом, всё хорошо.

Теперь меня замутило.

Антон не обнял меня.

Я не повернулась к нему.

Между нами было всего двадцать сантиметров, но на самом деле там уже лежала чужая женщина. Её сообщение. Её «скучаю». Их отель. Его ложь.

И моя новая тишина.

— Стася, — вдруг тихо сказал он.

— Мм?

— Ты же знаешь, я тебя люблю?

Я открыла глаза в темноте.
Вот это было больнее всего.
Не сообщение.
Не отель.
Не его задержки.

А эта фраза.
Сказанная не из любви.
А из страха.
Я медленно вдохнула.
— Знаю, — ответила я.

И впервые за наш брак солгала ему так же спокойно, как он лгал мне.

Антон облегчённо выдохнул.
Наверное, решил, что всё обошлось.
Что жена снова проглотила тревогу.

Что можно ещё немного пожить на две жизни.

Что можно снова прийти домой, спрятать телефон, сказать «устал» и лечь рядом со мной, будто ничего не произошло.

Он думал, я не узнаю.

Он думал, я буду плакать, кричать, умолять, требовать объяснений.

Он плохо меня знал.

Очень плохо.

Я лежала в темноте, слушала его дыхание и смотрела на едва заметную полоску света под дверью.

А внутри меня медленно, страшно спокойно рождалась другая женщина.

Не та Стася, которая ждала ужин.

Не та Стася, которая верила словам.

Не та Стася, которая боялась потерять мужа.

А та, которая уже потеряла.

И теперь хотела узнать только одно.

Кто она?

И сколько времени Антон смеялся надо мной за моей спиной?

Телефон на тумбочке снова тихо вибрировал.

Антон не слышал.

А я слышала.

Я повернула голову.

Экран на секунду загорелся в темноте.

Сообщение было от того же номера.

«Ты сказал, что скоро скажешь ей. Я больше не хочу быть тайной».

Я смотрела на эти слова, и губы сами собой дрогнули.

Не от слёз.

От улыбки.

Холодной.

Незнакомой.

Почти чужой.

Скажешь ей?

Ну что ж, Антон.

Поздно.

Она уже знает.

Глава 2. Женщина, которая больше не верит

Утро наступило слишком рано.

Я почти не спала.

Нет, я закрывала глаза. Лежала неподвижно. Даже дышала ровно, чтобы Антон не понял, что я всё ещё бодрствую. Но сон не приходил.

Он лежал рядом, повернувшись ко мне спиной, и спал так спокойно, будто вчера ничего не случилось. Будто его телефон не светился ночью сообщениями от другой женщины. Будто в нашем браке не появилась трещина, в которую провалилось всё: доверие, нежность, прошлое, будущее.

Я смотрела на его плечо в темноте и думала: как странно.

Вот человек.

Родной.

Близкий.

Ты знаешь, как он пьёт кофе. Знаешь, что он терпеть не может слишком горячий душ. Знаешь, что он морщится, когда режет лук, но никогда в этом не признаётся. Знаешь, как он спит, когда устал. Знаешь, где у него родинка на спине.

А потом оказывается, что самого главного ты не знаешь.

Не знаешь, где он был вчера.

Не знаешь, кому улыбается.

Не знаешь, чьи волосы остаются на его пиджаке, пока ты гладишь ему рубашки.

Не знаешь, в какой момент твоя любовь стала для него просто удобной привычкой.

Я повернулась на спину и уставилась в потолок.

В голове снова и снова всплывало сообщение:

«Ты сказал, что скоро скажешь ей. Я больше не хочу быть тайной».

Скоро скажешь ей.

Значит, Антон не просто оступился. Не просто случайная связь. Не глупость на корпоративе, не пьяная ошибка, не «сам не понял, как так вышло».

Нет.

Там уже были обещания.

Там уже было «скоро».

Там уже была женщина, которая ждала, когда он освободит для неё место.

Моё место.

Я медленно сжала пальцы в кулак под одеялом.

Самое унижительное было даже не это.

А то, что она, возможно, жалела себя.

Сидела где-то в своей квартире, смотрела на телефон и думала: бедная я, люблю женатого мужчину, он никак не решится.

А обо мне она думала?

О той женщине, рядом с которой он жил?

О той, которая стирала его рубашки, встречала его с работы, покупала его любимый сыр, помнила дни рождения его матери, улыбалась его друзьям, когда внутри уже давно было пусто?

Нет.

Наверное, для неё я была просто препятствием.

Жена.

Слово без лица.

Без сердца.

Без боли.

Я встала с кровати в шесть утра.

Тихо, чтобы не разбудить Антона.

На кухне было прохладно. За окном серело небо, двор ещё спал, только одинокая женщина в красной куртке выгуливала собаку у подъезда. Обычная жизнь продолжалась так спокойно, будто моя собственная не раскололась ночью на две части.

До сообщения.

После сообщения.

Я включила чайник, достала чашку, но вместо чая налила себе обычной воды.

Пить не хотелось.

Есть не хотелось.

Жить, если честно, тоже хотелось как-то не очень. Не в смысле умереть — нет. Просто хотелось исчезнуть из этой квартиры, из этого утра, из роли жены, которую обманывают.

Но исчезать было слишком просто.

А я вдруг поняла, что простого выхода ему не подарю.

Антон вышел через сорок минут.

В белой футболке, домашних брюках, с растрёпанными волосами. Сонный, чуть помятый, обычный. Такой, каким я видела его сотни раз.

— Доброе утро, — сказал он, зевая.

Я сидела за столом с телефоном в руках.

— Доброе.

Он подошёл к кофемашине, нажал кнопку.

— Ты рано встала.

— Не спалось.

Антон замер на секунду.

Всего на секунду.

Потом достал кружку.

— Из-за вчерашнего?

Я подняла на него глаза.

— А что было вчера?

Он посмотрел на меня осторожно.

Очень осторожно.

Так смотрят люди, которые не знают, сколько именно ты знаешь.

— Ну... мы немного поругались.

— Разве?

— Стася.

— Что?

Он вздохнул.

— Я не хочу начинать день с напряжения.

— Тогда не начинай.

Он молча налил кофе. Потом сел напротив меня.

Его телефон лежал рядом с тарелкой.

Экраном вниз.

Конечно.

Я смотрела на этот телефон и чувствовала странное спокойствие. Раньше он бы меня пугал. Я бы думала, что там. Теперь я уже знала: там правда. Просто не вся.

— У тебя сегодня какие планы? — спросил Антон.

Я чуть усмехнулась.

Раньше он редко спрашивал.

А сейчас спросил.

Проверяет?

Бойтся?

— Обычные, — ответила я. — Работа. Потом, может, заеду в магазин.

— В какой?

Я подняла бровь.

— Тебе список покупок нужен?

Он отпил кофе.

— Просто спросил.

— Просто отвечаю.

Повисла пауза.

Антон смотрел на меня, и я почти видела, как у него внут-

при работают мысли. Он пытался понять, что изменилось. Почему я не плачу. Почему не задаю вопросов. Почему не требую любви.

Мужчины вроде Антона очень боятся женской тишины.

Потому что с криком всё понятно.

Крик можно назвать истерикой.

Слёзы — слабостью.

Вопросы — подозрительностью.

А тишину некуда деть.

Она стоит между вами и смотрит в глаза.

— Я сегодня опять задержусь, — сказал он наконец.

Я медленно кивнула.

— Конечно.

Он нахмурился.

— Стася.

— Что?

— Не говори таким тоном.

— Каким?

— Вот таким.

— Спокойным?

Он отвёл взгляд.

— Холодным.

Я улыбнулась.

— Прости. Не рассчитала температуру.

Он резко поставил кружку на стол.

— Ты издеваешься?

— Нет, Антон. Просто пью воду.

— Мы можем нормально поговорить?

Я наклонила голову.

— О чём?

Он открыл рот.

И закрыл.

Потому что сказать было нечего.

Он не мог предложить поговорить о своей измене, пока не знал, что я знаю. Не мог признаться сам — трусость не позволяла. Не мог обвинить меня — повода не было.

Поэтому он выбрал самый привычный путь.

— Ты стала очень нервной в последнее время.

Я даже не сразу поверила, что он это сказал.

— Я?

— Да. Ты постоянно чем-то недовольна.

— Чем-то?

— Стася, ну не надо цепляться к словам.

Я медленно встала из-за стола и подошла к раковине.

Мне нужно было отвернуться, иначе я могла не выдержать и рассмеяться ему в лицо.

Постоянно недовольна.

Великолепно.

Муж изменяет, прячет телефон, оплачивает отель, получает ночные сообщения от любовницы, а жена, оказывается, просто стала нервной.

— Наверное, мне надо отдохнуть, — сказала я.

Антон оживился.

— Вот. Я тоже так думаю. Может, съездишь к Лене на выходные? Ты давно с ней не виделась.

Я повернулась.

— К Лене?

— Ну да. В другой город. Развеемся. Вы же подруги.

И тут всё стало окончательно ясно.

Он хотел, чтобы я уехала.

Не просто отдохнула.

Освободила квартиру.

На выходные.

Для чего? Чтобы привести её сюда? Или просто пожить несколько дней без необходимости врать мне в лицо?

Я смотрела на мужа, и внутри меня что-то медленно чернело.

— Хорошая идея, — сказала я.

Антон явно не ожидал, что я соглашусь так быстро.

— Правда?

— Да. Может, и съезжу.

Он расслабился.

Совсем немного, но я заметила.

— Тебе полезно будет.

— Мне многое теперь будет полезно.

— Что?

— Ничего. Говорю, подумаю.

Он кивнул и быстро допил кофе.

Через полчаса Антон ушёл.

Я стояла у окна и смотрела, как он выходит из подъезда. Он шёл к машине, на ходу доставая телефон. Уже на улице он кому-то написал. Быстро. Почти жадно.

Потом сел за руль.

И уехал.

Я не заплакала.

Странно, но слёз не было.

Внутри было пусто и очень холодно.

Я вернулась на кухню, взяла телефон и набрала Лену.

Она ответила не сразу. На третьем гудке.

— Стася? Ты чего так рано? Что-то случилось?

Я услышала её голос и чуть не сорвалась.

Лена была моей подругой со студенческих времён. Из тех людей, которым можно позвонить в любое время и сказать одну фразу: «Мне плохо», — и она уже будет собирать сумку.

Я села на стул.

— Лен, ты можешь говорить?

Пауза.

— Могу. Что случилось?

Я посмотрела на чашку Антона, которую он оставил на столе. На ободке был след кофе.

— Кажется, Антон мне изменяет.

На том конце стало тихо.

Потом Лена выдохнула:

— Не «кажется»?

Я закрыла глаза.

— Уже не кажется.

— Что ты нашла?

— Сообщения. Списание за отель. Он хотел, чтобы я уехала к тебе на выходные.

— Ах он...

Лена не договорила.

Но я услышала всё, что она хотела сказать.

— Ты ему сказала? — спросила она.

— Нет.

— Слава богу.

Я открыла глаза.

— Почему?

— Потому что сейчас главное — не эмоции, а голова. Ста-
ся, слушай меня внимательно. Не устраивай сцену, пока не
поймёшь, что у вас с деньгами, квартирой, документами и
вообще. Такие мужики, когда их ловят, сначала плачут, по-
том клянутся, потом начинают делить ложки.

Я горько усмехнулась.

— Ты так говоришь, будто у тебя инструкция есть.

— У меня сестра через это прошла. Помнишь Динку?

— Помню.

— Вот. Она тоже сначала швырнула в мужа телефоном. А
потом он за два дня вывел деньги, переписал машину на бра-
та и выставил её сумасшедшей перед всеми родственниками.

Я похолодела.

Антон не такой, хотела сказать я.

Но не сказала.

Потому что ещё вчера я могла бы поклясться, что Антон не изменяет.

А сегодня у меня были скриншоты отеля.

— Что мне делать? — тихо спросила я.

Лена ответила сразу:

— Первое. Сделай копии всех документов. Второе. Проверь счета. Третье. Найди юриста. Не подавай вида. И четвёртое...

Она замолчала.

— Что?

— Узнай, кто она.

Я медленно сжала телефон.

— Зачем?

— Потому что тебе надо понимать, с чем ты имеешь дело. Это случайная девочка? Коллега? Его подчинённая? Подруга семьи? Замужняя? Беременная? Там может быть всё что угодно.

Беременная.

Слово ударило неожиданно больно.

Я даже вдохнуть сразу не смогла.

— Лена...

— Прости. Но лучше подумать об этом сейчас, чем узнать потом от чужих людей.

Я встала и подошла к окну.

— Я не знаю, смогу ли я.

— Сможешь.

— А если я развалюсь?

— Развалишься у меня. Потом. Сейчас держись.

Я усмехнулась сквозь боль.

— Ты очень добрая.

— Я злая, Стася. За тебя злая. И тебе сейчас тоже надо стать злой. Не истеричной. Не мстительной. А злой по-хорошему. Злой настолько, чтобы спасти себя.

Мы проговорили почти час.

Когда разговор закончился, я уже не была той женщиной, которая вчера ночью сидела на кровати и дрожала.

Нет, боль никуда не делась.

Она просто стала фоном.

Как низкий гул в ушах.

Поверх него начали появляться действия.

Я достала папку с документами, разложила всё на столе. Паспорт. Свидетельство о браке. Документы на квартиру. Кредитный договор. Выписки. Страховки.

Фотографировала всё.

Сохраняла в облако.

Отправляла Лене.

Потом зашла в банковское приложение и начала внимательно просматривать расходы за последние месяцы.

Раньше я этого не делала.

Зачем?

Мы же семья.

Я доверяла ему.

Какое удобное слово — доверие. Особенно для тех, кто им пользуется как ширмой.

Рестораны.

Цветы.

Такси.

Ювелирный магазин.

Я остановилась.

Ювелирный.

Дата — три недели назад.

Сумма — почти моя месячная зарплата.

Я медленно положила телефон на стол.

Мне Антон за последние три недели ничего не дарил.

Да и за последние полгода тоже.

На годовщину он перевёл мне деньги и написал: «Купи себе что-нибудь, совсем замотался».

А ей, значит, выбирал сам.

Не деньги перевёл.

Не «купи себе».

Сам пошёл.

Сам выбрал.

Сам подарил.

Я вдруг вспомнила, как три недели назад он пришёл домой особенно поздно. Я тогда спросила, ел ли он. Он ответил, что перекусил на работе. Я предложила чай. Он сказал:

— Не надо, я устал.

И лёг спать.

А я ещё сидела на кухне и думала, что надо быть терпимее.

У человека нагрузка, сложный период.

Как же мерзко.

Мерзко не только от него.

От себя тоже.

От того, сколько раз я сама оправдывала его ложь.

Сколько раз подсовывала ему удобные объяснения, чтобы не видеть очевидного.

Я сделала скриншот покупки.

Потом заказала детализацию по общему счёту.

Потом нашла телефон семейного юриста, которого когда-то рекомендовала коллега.

Долго смотрела на номер.

Позвонить было страшно.

Потому что звонок юристу — это уже не подозрение.

Это начало конца.

Но конец, похоже, уже начался без моего согласия.

Я нажала вызов.

Женщина на том конце говорила спокойно, профессионально. Её звали Ольга Сергеевна. Она выслушала меня без лишнего сочувствия, и именно это мне понравилось. Не ахала, не причитала, не называла Антона подонком. Просто задавала вопросы.

— Квартира в браке приобретена?

— Да.

— Ипотека общая?

— Да.

— Дети есть?

— Нет.

— Брачный договор заключали?

— Нет.

— Счета общие?

— Один общий. Есть ещё его личный, но я не имею доступа.

— Ваш доход официальный?

— Да.

— Хорошо. Пока ничего не подписывайте, из квартиры не съезжайте надолго, оригиналы документов держите у себя или сделайте копии. И не сообщайте супругу, что консультировались с юристом.

Я слушала и записывала.

Рука почти не дрожала.

— Скажите, — спросила я тихо, — а если он захочет сам подать на развод?

— Пусть подаёт. Это не катастрофа. Катастрофа — когда женщина из чувства обиды сама уходит из дома без документов, без денег и без понимания, что происходит с имуществом.

Я кивнула, хотя она не видела.

— Я поняла.

— И ещё, Станислава.

Я вздрогнула.

Полное имя всегда звучало серьёзно.

— Да?

— Не пытайтесь сейчас выяснять отношения. Ваша задача

— не выиграть спор на кухне. Ваша задача — защитить свою жизнь после этого брака.

После этого брака.

Я поблагодарила её и положила трубку.

Потом долго сидела неподвижно.

После этого брака.

Значит, кто-то уже сказал вслух то, что я боялась даже подумать.

Наш брак мог закончиться.

Не в страшном сне.

Не у других людей.

У нас.

У меня.

У Антона.

В квартире, где на холодильнике ещё висел магнит из нашего отпуска в Сочи.

Я встала, подошла к холодильнику и сняла этот магнит.

На нём мы были смешные, загорелые, счастливые. Антон тогда купил мне на набережной огромную сладкую вату, а потом смеялся, когда ветер приклеил её к моим волосам. Я злилась, а он целовал меня в лоб и говорил:

— Стася, я тебя никогда никому не отдам.

Никому не отдам.

А потом сам отдал.

По кусочкам.

Сначала своё внимание.

Потом свои вечера.

Потом свои слова.

Потом своё тело.

А теперь, возможно, и нашу жизнь.

Я положила магнит в ящик.

Не выбросила.

Пока нет.

Память — странная вещь. Даже когда человек предал, прошлое не становится полностью фальшивым. В нём всё равно были настоящие дни. Настоящий смех. Настоящие объятия.

Только будущее оказалось ложью.

К обеду я уже знала, что Антон в офисе не весь день.

Это вышло случайно.

Хотя, может, в такие моменты случайностей не бывает.

Я написала нашей общей знакомой Кате, которая работала в соседнем бизнес-центре с Антоном. Просто спросила, как дела. Она ответила радостно, предложила встретиться на кофе.

Я согласилась.

Через час мы сидели в маленьком кафе возле её работы.

Катя рассказывала что-то про начальницу, ремонт и новые туфли, а я кивала, улыбалась, почти не слыша.

— А Антон сегодня у себя? — спросила я как бы между прочим.

Катя удивилась.

— Антон? Не знаю. Я его уже давно днём не вижу.

Внутри всё напряглось.

— В смысле?

— Ну раньше он часто к нам заходил, у них же там переговорка общая была. А сейчас редко. Хотя...

Она задумалась.

— Что?

— Да нет, ерунда.

Я поставила чашку.

— Кать, говори.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— У вас всё нормально?

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто... Не хочу лезть.

Я улыбнулась.

— Уже начала.

Катя смутилась.

— Я пару раз видела его с какой-то девушкой. Молодая такая. Очень эффектная. Думала, коллега. Они выходили из кофейни за углом.

Я почувствовала, как пальцы похолодели.

— Когда?

— Ну... На прошлой неделе точно. И до этого. Может, пару раз. Стася, может, это правда по работе.

— Конечно, — сказала я. — По работе.

Катя больше ничего не сказала.

Но по её лицу я поняла: она тоже не верит.

— Как она выглядела? — спросила я.

Катя замялась.

— Брюнетка. Волосы длинные. Высокая. Лет двадцать пять, может. Очень ухоженная. Знаешь, такая... вся из себя.

Я усмехнулась.

— Молодая.

— Стася...

— Всё нормально.

— Нет, не нормально.

Я посмотрела на неё.

И вдруг впервые за весь день захотелось, чтобы кто-то просто сказал правду.

Без «может».

Без «не накручивай».

Без «по работе».

Катя накрыла мою руку своей.

— Если тебе нужна помощь, скажи.

Я кивнула.

— Мне нужно имя.

Она вздохнула.

— Я попробую узнать.

— Не надо рисковать.

— Я просто спрошу у девочек на ресепшене. Они всех знают.

Я хотела отказаться.

Но не смогла.

Потому что Лена была права.

Мне нужно было знать, кто она.

Домой я вернулась ближе к вечеру.

Квартира встретила меня тишиной.

Я сняла обувь, повесила пальто и вдруг увидела у зеркала маленький белый волос.

Не мой.

Я брюнетка.

Антон тоже тёмный.

Волос был светлый, длинный.

Я подняла его двумя пальцами.

Смотрела на него так, будто это была улика в уголовном деле.

И в какой-то момент меня накрыло.

Не громко.

Не красиво.

Я просто сползла по стене в прихожей и села на пол.

С этим чужим волосом в руке.

У меня дома.

В моей прихожей.

Где я выбирала обои.

Где я ставила корзину для зонтов.

Где я когда-то встречала Антона с работы и обнимала, не давая снять пальто.

Он приводил её сюда?

Или она просто была в его машине, на его одежде, в его жизни настолько близко, что уже оставляла следы в моей?

Я не знала.

И от этого было ещё хуже.

Потому что воображение всегда жестокее фактов.

Я представила её в нашей квартире.

Как она проходит по коридору.

Смеётся.

Спрашивает:

— А твоя жена не узнает?

А он отвечает:

— Нет. Она ничего не подозревает.

И оба смеются.

Нет.

Я резко поднялась.

Нет.

Этого я себе не позволю.

Я не буду сидеть на полу и додумывать сцены, которые могут меня добить.

Я достала маленький пакетик из кухонного ящика, положила туда волос и убрала в папку.

Зачем?

Не знаю.

Наверное, мне нужно было сохранить хоть что-то материальное. Что-то, что доказывало: я не сумасшедшая.

В семь вечера написал Антон.

«Буду поздно. Не жди».

Я посмотрела на сообщение.

Раньше я бы ответила: «Хорошо. Ты поешь?»

Или: «Береги себя».

Или поставила бы сердечко.

Сегодня я написала:

«Хорошо».

Одно слово.

Без точки.

Через минуту он прочитал.

Ничего не ответил.

Я открыла шкаф и достала маленькую спортивную сумку. Сложила туда несколько вещей. Не чтобы уехать. Нет. Просто на всякий случай. Документы я переложила в отдельную папку и убрала в нижний ящик комода, за стопку старых шарфов.

Потом села за ноутбук.

В поисковой строке ввела: «как узнать владельца номера телефона».

Смешно.

Жалко.

По-детски.

Но я была готова хвататься за любую нитку.

Номер, с которого писала любовница, всё ещё был у меня перед глазами. Я запомнила его после первого сообщения. Такие вещи память впечатывает без спроса.

Я ввела номер в поисковик.

Ничего.

В мессенджер.

Профиль был закрыт.

Аватарка — силуэт на фоне моря. Лица не видно. Только женская фигура в белом платье, волосы по плечам, закат.

Имя: «Милана».

Милана.

Я повторила это имя вслух.

— Милана.

Красиво.

Мягко.

Молодо.

Имя женщины, которая не хочет быть тайной.

Я открыла фото, увеличила.

Лица не было видно. Но я заметила браслет на руке.

Тонкий золотой браслет с маленькой подвеской.

Сердце ухнуло вниз.

Я открыла скриншот списания из ювелирного магазина.

Потом сайт этого магазина.

Долго листала каталог.

И нашла.

Тот самый браслет.

Почти такая же сумма.

Маленькая золотая подвеска в форме капли.

Я закрыла ноутбук.

Встала.

Прошла по кухне.

Потом снова села.

Мне хотелось позвонить ему прямо сейчас.

Сказать:

— Антон, а Милане браслет понравился?

Хотелось услышать, как он подавится своей ложью.

Хотелось, чтобы ему стало страшно.

Чтобы он понял: я не дура.

Но я не позвонила.

Я вспомнила голос юриста:

«Ваша задача — не выиграть спор на кухне. Ваша задача

— защитить свою жизнь».

Поэтому я сделала ещё один скриншот.

И добавила в папку.

Папка называлась просто: «А».

Сначала я хотела назвать её «Антон». Потом передумала.

Слишком много чести.

В девять вечера позвонила Катя.

— Стася, я узнала.

У меня перехватило дыхание.

— Говори.

— Её зовут Милана Ветрова. Она работает у них в компании. Не в его отделе, но рядом. Маркетинг или PR, точно не знаю.

Я закрыла глаза.

Коллега.

Конечно.

Самый банальный вариант.

Самый удобный.

— Ей сколько?

— Двадцать шесть.

Я усмехнулась.

На десять лет моложе меня.

Не девочка, конечно.

Но достаточно молодая, чтобы Антон чувствовал себя рядом с ней не уставшим мужем, а мужчиной, которому ещё всё можно.

— Она замужем? — спросила я.

— Нет вроде.

— Понятно.

Катя молчала пару секунд.

— Стася, мне ещё сказали... Только ты держись.

Я сжала телефон.

— Что?

— Они особо не скрываются на работе. Ну, не целуются при всех, конечно. Но многие уже поняли. Она к нему в ка-

бинет часто заходит. Они вместе обедают. И... говорят, он собирался переводиться в другой филиал. Возможно, вместе с ней.

Я медленно опустилась на стул.

Переводиться.

В другой филиал.

Возможно, вместе с ней.

А мне он что собирался сказать?

Что у него новая должность?

Что надо потерпеть?

Что он снимает квартиру ближе к офису?

Или сразу: «Стася, я ухожу»?

— Спасибо, — сказала я.

Голос прозвучал чужим.

— Я могу приехать.

— Не надо.

— Стася.

— Правда не надо. Я хочу побыть одна.

— Только не делай ничего сгоряча.

Я посмотрела на тёмное окно.

В нём отражалась женщина с бледным лицом и сухими глазами.

— Уже не сгоряча, Кать.

После звонка я долго сидела в темноте.

Не включала свет.

Не двигалась.

Просто слушала тишину квартиры и понимала: мой муж уже строил новую жизнь.

Не случайно.

Не вчера.

Давно.

Он просто ещё не вынес из старой жизни свои вещи.

И меня.

Я была последним пунктом в его списке.

Сказать жене.

Закрыть вопрос.

Перейти дальше.

Как будто я была не человеком, а старым договором, который нужно расторгнуть.

В половине одиннадцатого в замке повернулся ключ.

Антон вошёл тихо.

Слишком тихо.

Наверное, думал, я сплю.

Я сидела на диване в гостиной без света.

Он включил лампу в коридоре, снял обувь, прошёл несколько шагов и замер, увидев меня.

— Господи, Стася. Ты чего в темноте сидишь?

Я посмотрела на него.

Он был красивый. Свежий. Не похожий на человека, который весь день пахал на работе. От него пахло дорогим парфюмом и улицей. В руке он держал телефон. Большим пальцем быстро погасил экран.

— Думала, — сказала я.

— О чём?

— О нас.

Он напрягся.

— И что надумала?

Я медленно встала.

— Что нам надо поговорить.

Антон устало закатил глаза.

— Стася, ну только не сейчас.

— А когда?

— Завтра.

— Ты любишь это слово.

— Потому что сейчас я правда устал.

Я подошла ближе.

— От неё?

Он замер.

Вот так.

Один короткий вопрос.

И вся его маска треснула.

Не полностью. Антон быстро взял себя в руки. Слишком быстро. Значит, давно готовился.

— От кого? — спросил он.

Я смотрела ему прямо в глаза.

— Ты знаешь от кого.

— Нет, не знаю.

— Конечно.

Он положил ключи на тумбу.

Медленно.

Аккуратно.

Будто боялся резким движением выдать себя.

— Стася, ты опять начинаешь.

Я улыбнулась.

— Я ещё даже не начинала.

— У тебя паранойя?

Вот оно.

Первый удар.

Не оправдание.

Не страх.

А нападение.

Я кивнула, будто он подтвердил мои ожидания.

— Паранойя?

— Да. Ты придумываешь себе что-то, потом мучаешь меня.

— Тебя?

— Да, меня! Я прихожу домой и не могу спокойно выдохнуть, потому что ты смотришь так, будто я преступник.

Я сделала шаг к нему.

— А ты не преступник, Антон?

— Нет.

— Просто предатель?

Он побледнел.

На этот раз заметно.

— Осторожнее со словами.

— А ты осторожнее с женщинами.

Тишина.

Он смотрел на меня уже иначе.

Не как на нервную жену.

Как на угрозу.

— Что ты хочешь услышать? — спросил он низко.

— Правду.

— Правда в том, что ты сама довела наши отношения до этого состояния.

Я даже моргнула.

Вот она.

Вторая стадия.

Я виновата.

Конечно.

— До какого состояния? — спросила я тихо.

— До холодности. До постоянных претензий. До того, что дома невозможно находиться.

— Дома невозможно находиться? Поэтому ты нашёл, где возможно?

Он отвернулся.

— Я не собираюсь разговаривать в таком тоне.

Я вдруг почувствовала, как во мне поднимается ярость.

Не истерика.

Не боль.

Ярость.

Чистая, горячая, сильная.

— Нет, Антон. Сегодня ты будешь разговаривать.

Он посмотрел на меня с раздражением.

— Не командуй мной.

— А ты не ври мне в моём доме.

— В твоём?

— В нашем. Пока ещё.

Он прищурился.

— Что это значит?

Я подошла к столу, взяла телефон и открыла папку со скриншотами.

Руки больше не дрожали.

— Это значит, что я знаю про Милану.

Его лицо изменилось.

Имя попало точно в цель.

Он не спросил: «Какую Милану?»

Не сделал вид, что не понял.

Просто замер.

А потом выдохнул:

— Ты рылась в моём телефоне?

Я усмехнулась.

— Вот что тебя волнует?

— Ты нарушила моё личное пространство.

Я посмотрела на него почти с восхищением.

— Антон, ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

— Ты спишь с другой женщиной, но обиделся, что я увидела сообщение?

— Я не говорил, что сплю с ней.

Я подняла брови.

Он осёкся.

Слишком поздно понял, что сказал не то.

— Значит, не спишь? — спросила я.

— Стася...

— Отель тоже был для совещания?

Он молчал.

— Ювелирный магазин — корпоративный подарок?

Он сжал губы.

— Цветы — маме?

— Хватит.

— Нет, милый. Хватит было тогда, когда ты впервые пришёл домой после неё и лёг рядом со мной.

Его лицо дёрнулось.

Я впервые сказала это вслух.

И сама услышала, как страшно это звучит.

После неё.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Антон.

Я рассмеялась.

Коротко.

Глухо.

— Объясни.

Он прошёл в гостиную, сел в кресло и потёр лицо руками.

Так театрально устало, будто это его предали.

— У нас давно всё плохо, Стася.

Я стояла напротив.

— Правда?

— Да.

— А я не знала.

— Потому что ты не хотела видеть.

— Я видела, что ты отдаляешься. Я пыталась говорить.

— Ты не говорила. Ты давила.

— Я спрашивала, что происходит.

— Именно. Постоянные вопросы. Где был, почему поздно, почему молчишь...

— Потому что ты врал.

— Потому что дома меня ждал допрос!

Я медленно кивнула.

— Понятно. Ты изменял, потому что я спрашивала, почему ты поздно приходишь. Логично.

Он резко встал.

— Не перекручивай!

— Я не перекручиваю. Я повторяю.

— Милана появилась не просто так.

Вот.

Он сказал её имя.

Не «она».

Не «эта женщина».

Милана.

Бережно почти сказал.

И это ударило сильнее, чем признание.

— Конечно, — сказала я. — Она появилась от тяжёлой жизни.

— С ней мне легко.

Я замолчала.

Эта фраза была ножом.

Не потому что я не ожидала.

А потому что услышать её всё равно оказалось невыносимо.

С ней мне легко.

Со мной, значит, тяжело.

Я — быт, ипотека, вопросы, усталость.

Она — лёгкость.

Белое платье на аватарке.

Кофе за углом.

Браслет с подвеской.

Отель днём.

— Легко? — переспросила я.

Антон понял, что зашёл слишком далеко, но останавливаться уже не хотел.

Может, ему тоже нужна была эта ссора.

Чтобы наконец сбросить с себя вину и переложить её на меня.

— Да, легко. Она меня слышит.

— А я?

— А ты всегда знаешь, как правильно.

— Я знаю, как не предавать.

Он устало усмехнулся.

— Вот. Опять.

— Что опять?

— Ты сразу ставишь себя выше.

Я смотрела на него и не узнавала.

Или, наоборот, впервые узнавала по-настоящему.

— Антон, ты правда сейчас пытаешься сделать виноватой меня?

— Я говорю, что в отношениях всегда виноваты двое.

— В проблемах — может быть. В измене — тот, кто снял штаны.

Он дёрнулся.

— Не опускайся.

— А ты уже опустился. Мне можно хотя бы словами.

Он отвернулся.

И вдруг стал очень тихим.

— Я не хотел, чтобы так вышло.

Вот она.

Третья стадия.

Жалость к себе.

Я почувствовала, как внутри снова поднимается боль.

— А как ты хотел?

Он молчал.

— Скажи, Антон. Как ты хотел? Чтобы я уехала к Лене на

выходные? Чтобы ты спокойно поговорил с Миланой? Чтобы потом пришёл и сказал мне: «Стася, ты хорошая, но я полюбил другую»?

Он смотрел в пол.

— Я запутался.

Я закрыла глаза.

Это слово.

Любимое слово изменщиков.

Запутался.

Не предал.

Не солгал.

Не унизил.

Запутался.

Как будто случайно забрёл не туда в торговом центре.

— Ты не запутался, — сказала я тихо. — Ты выбирал. Каждый раз выбирал. Когда писал ей. Когда покупал ей подарок. Когда ехал в отель. Когда возвращался домой и смотрел мне в глаза. Когда ложился рядом. Когда говорил, что я накручиваю себя.

Он поднял голову.

В его глазах была злость.

Потому что правда звучала слишком ясно.

— А ты чего хочешь? — спросил он. — Чтобы я на коленях ползал?

Я посмотрела на него.

И вдруг поняла: нет.

Не хочу.

Ещё вчера, наверное, хотела бы.

Чтобы плакал.

Чтобы умолял.

Чтобы говорил: «Стася, прости, я дурак, я всё исправлю».

Но сейчас я смотрела на него и понимала: его раскаяние мне уже не нужно, если за ним нет уважения.

А уважения не было.

Он защищал не наш брак.

Он защищал себя.

— Нет, — сказала я. — Не хочу.

Антон растерялся.

— Что?

— Не хочу, чтобы ты ползал на коленях. Не хочу, чтобы ты сейчас устраивал спектакль. Не хочу слушать, что ты запутался. Я хочу знать одно.

— Что?

— Ты собирался уйти?

Он молчал слишком долго.

И этого было достаточно.

Но я ждала.

Пусть скажет.

Пусть хоть раз будет мужчиной, а не тенью с телефоном экраном вниз.

— Да, — наконец произнёс он.

Слово было тихим.

Почти шёпотом.

Но я услышала.

Комната будто стала меньше.

Стены ближе.

Воздух плотнее.

Я медленно кивнула.

— Когда?

— Стася...

— Когда?

— После нового проекта. Через месяц. Я хотел всё нормально объяснить.

— Нормально?

Я улыбнулась.

— Ты месяц собирался спать с другой женщиной, жить со мной, есть мои ужины, обсуждать со мной счета, а потом нормально объяснить?

Он поморщился.

— Не надо так.

— А как надо?

— Я не хотел тебя ранить.

Вот тут я уже не выдержала.

— Не хотел ранить?!

Мой голос сорвался, но мне было всё равно.

— Антон, ты не хотел не ранить. Ты хотел не выглядеть виноватым. Это разные вещи.

Он шагнул ко мне.

— Стася, успокойся.

— Не смей.

Он остановился.

— Что?

— Не смей говорить мне успокоиться. Я слишком долго была спокойной.

Мы стояли друг напротив друга.

Муж и жена.

Два человека, которые когда-то обещали друг другу быть рядом.

И между нами лежала вся его ложь.

— Что теперь? — спросил Антон.

В его голосе впервые появилась тревога.

Не раскаяние.

Именно тревога.

Потому что он понял: сценарий пошёл не так.

Я не рыдала.

Не цеплялась за него.

Не спрашивала, чем она лучше.

Не просила выбрать меня.

Я просто стояла и смотрела так, будто уже отпустила.

— Теперь, — сказала я, — ты пойдёшь спать в гостиную.

Он моргнул.

— Что?

— Или в гостиницу. Как тебе удобнее.

— Это и моя квартира.

— Тогда диван тоже твой.

Он усмехнулся.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Стася, не устраивай цирк.

— Цирк ты устроил, когда сделал из нашего брака треугольник. Я просто меняю раскладку.

Он смотрел на меня с такой злостью, будто это я привела любовника в его жизнь.

— Ты стала жестокой.

Я тихо ответила:

— Нет. Я стала зрячей.

Он ничего не сказал.

Развернулся, пошёл в спальню, взял подушку и плед. Двигался резко, раздражённо. Хлопнул дверцей шкафа. Потом вышел, даже не взглянув на меня.

— Надеюсь, ты довольна, — бросил он.

Я посмотрела на него.

— Нет, Антон. Довольной я была, когда думала, что у меня есть муж.

Он застыл на секунду.

Потом ушёл в гостиную.

Дверь не закрыл.

Специально.

Как будто хотел показать: он всё равно здесь хозяин.

Я вошла в спальню и закрыла дверь сама.

Только тогда ноги подкосились.

Я села на кровать, на которой теперь была только моя подушка, и наконец заплакала.

Тихо.

Беззвучно.

Так плачут не от одной ссоры.

Так плачут, когда хоронят целую жизнь.

Я плакала по себе прежней.

По той Стасе, которая ждала мужа с ужином.

По той, которая верила, что семейное счастье можно сохранить терпением.

По той, которая думала, что если любишь честно, то тебя тоже будут беречь.

Плакала по нашему первому свиданию.

По его руке в моей ладони.

По дурацким запискам на холодильнике.

По воскресным завтракам.

По мечтам о доме за городом.

По ребёнку, о котором мы когда-то говорили, но так и не решились.

Плакала не потому, что хотела всё вернуть.

А потому что уже понимала: вернуть нечего.

В два часа ночи телефон завибрировал.

Я вздрогнула и посмотрела на экран.

Сообщение было от неизвестного номера.

Но номер я уже знала.

Милана.

Я открыла.

«Стася, нам надо поговорить. Я не враг вам. Антон просто давно несчастлив».

Я смотрела на сообщение, и слёзы высохли сами.

Не враг.

Какая щедрость.

Женщина, которая спала с моим мужем, решила объяснить мне, что он давно несчастлив.

Я медленно села ровнее.

Потом написала ответ.

Всего одну фразу:

«Милана, если вы не враг, почему прячетесь в чужом браке?»

Сообщение ушло.

Ответ пришёл почти сразу.

«Я его люблю».

Я посмотрела на эти три слова.

И вдруг мне стало так спокойно, что даже страшно.

Я напечатала:

«Тогда забирайте. Только вместе с правдой о нём».

И выключила телефон.

Глава 3. Любовница с правом голоса

Утро после правды оказалось не громким.

Я почему-то думала, что после таких ночей мир должен рушиться как-то заметнее. С грохотом. С трещинами по стенам. С потемневшим небом за окном. С чем-то таким, чтобы сразу было понятно: у женщины развалилась жизнь, будьте осторожны, не наступите на осколки.

Но нет.

Мир проснулся как обычно.

За окном кто-то хлопнул дверцей машины. Сосед сверху включил воду. В подъезде залаяла собака. На кухне тихо загудел холодильник. Где-то рядом, за стеной гостиной, спал мой муж.

Муж.

Какое странное слово.

Вчера оно ещё было болью.

Сегодня — юридическим фактом.

Я лежала на своей половине кровати и смотрела на пустое место рядом. Подушки Антона не было. Пледы тоже. От этого кровать казалась слишком большой, будто за ночь выросла и стала чужой.

Я провела ладонью по простыне.

Холодная.

Пустая.

Так, наверное, и выглядит конец брака, если снять с него все истерики, слёзы и громкие фразы.

Просто пустое место на кровати.

Я встала, умылась ледяной водой и долго смотрела на себя в зеркало.

Лицо бледное. Глаза припухшие. Волосы собраны кое-как. На вид — обычная женщина после бессонной ночи.

А внутри — как после пожара.

Только пепел ещё тёплый.

Я приложила ладони к раковине и тихо сказала своему отражению:

— Ну что, Стася. Добро пожаловать в новую жизнь.

Звучало пафосно.

Глупо даже.

Но мне надо было хоть что-то сказать. Хоть как-то обозначить, что я всё ещё здесь. Что я не исчезла между его «я запутался» и её «я его люблю».

На кухню я вышла уже одетая.

Не в домашнем халате, в котором обычно готовила завтрак. Не в мягких тапочках. Нет.

Я надела чёрные брюки, светлую блузку и собрала волосы в низкий хвост. Немного туши. Тон. Помада спокойного оттенка.

Не для него.

Для себя.

Чтобы не выглядеть жертвой в собственном доме.

Антон сидел за столом.

Он уже успел сварить себе кофе. Один. Только себе.

Когда-то он всегда спрашивал:

— Тебе тоже сделать?

Потом перестал спрашивать.

А я перестала замечать.

Сегодня заметила.

Он поднял на меня глаза. Вид у него был помятый, раздражённый, но не виноватый. И это тоже было важно. Он не выглядел человеком, который всю ночь страдал из-за того, что разрушил жену.

Он выглядел человеком, которому помешали спать.

— Доброе утро, — сказала я.

Антон нахмурился.

— Доброе.

Я достала чашку, включила чайник, поставила на стол тарелку. Спокойно. Аккуратно. Так, будто между нами не лежала вчерашняя ночь.

Он следил за каждым моим движением.

— Мы будем делать вид, что ничего не произошло? — спросил он.

Я обернулась.

— Нет. Мы будем делать вид, что мы взрослые люди.

Его губы дёрнулись.

— Очень смешно.

— Я не шутила.

Я села напротив него и налила себе чай.

Руки не дрожали.

И это почему-то злило его сильнее, чем если бы я плакала.

— Стася, — начал он, — вчера всё вышло слишком резко.

Я посмотрела на него поверх чашки.

— Резко?

— Да. Мы оба были на эмоциях.

— Антон, ты признался, что собирался уйти через месяц.

Это не эмоции. Это план.

Он сжал челюсть.

— Я не хотел говорить так.

— А как хотел?

— Спокойно.

— Чтобы я тебе ещё кофе налила?

— Не надо издеваться.

Я поставила чашку на стол.

— Тогда не говори со мной так, будто проблема в форме подачи, а не в том, что ты годами строил запасную жизнь.

Он резко вскинул голову.

— Не годами.

Вот оно.

Я даже улыбнулась.

— Спасибо за уточнение. Значит, месяцами?

Он отвёл взгляд.

— Всё началось не так давно.

— Как утешительно.

— Стася.

— Что?

— Я не враг тебе.

На секунду я просто замерла.

Эту же фразу, почти такую же, написала ночью Милана.

«Я не враг вам».

Они что, репетировали?

Или у людей, которые ломают чужую жизнь, просто один словарь на двоих?

— Ты не враг, — медленно повторила я. — Ты просто человек, который лгал мне, тратил наши деньги на другую женщину и планировал уйти, когда тебе будет удобно.

— Наши деньги? — его голос стал холоднее.

Я поняла, что зацепила.

— Да. Наши.

— Я зарабатываю больше.

Я кивнула.

— И поэтому имеешь право покупать браслеты любовнице?

Он побледнел от злости.

— Ты копалась в выписках?

— В общем счёте. В нашем общем счёте.

— Это было с моего дохода.

— На общем счёте нет бирочек, Антон. Здесь твоя зар-

плата, здесь моя, а вот отсюда браслет Милане.

Он встал из-за стола.

— Ты превращаешься в какую-то мелочную базарную женщину.

Я медленно подняла глаза.

Вот раньше это бы меня ударило.

Раньше я бы начала оправдываться. Сказала бы: «Я не такая». Попыталась бы сохранить лицо. Доказать, что я достойная, разумная, интеллигентная жена, а не «базарная женщина».

Но сегодня я только тихо спросила:

— А какой женщиной я должна быть, Антон? Удобной?

Он ничего не ответил.

— Молчаливой? Благодарной? Той, которая узнаёт об измене и переживает красиво, чтобы тебе не было неловко?

— Я не это сказал.

— Именно это.

Он провёл рукой по волосам.

— Я не хочу воевать.

— И я не хочу.

— Тогда давай договоримся спокойно.

Я насторожилась.

Слишком быстро.

Вчера он ещё был в обороне. Сегодня уже предлагает договориться.

Значит, думал ночью.

Не о том, как всё исправить.

О том, как выйти с меньшими потерями.

— О чём договоримся? — спросила я.

Антон сел обратно, но теперь его лицо стало собранным. Деловым. Таким он был на переговорах. Я видела это выражение раньше, когда он разговаривал с подрядчиками или спорил в банке по поводу условий ипотеки.

Теперь он смотрел так на меня.

На жену.

— Я считаю, нам нужно не растягивать это, — сказал он.

У меня внутри что-то оборвалось, но внешне я даже не моргнула.

— Это?

— Развод.

Слово прозвучало как удар ложкой по пустому стакану.

Звонко.

Некрасиво.

Окончательно.

Хотя я сама уже думала об этом. Хотя вчера понимала. Хотя ночью плакала не о надежде, а о её похоронах.

Но услышать от него было всё равно больно.

Потому что этот человек ещё вчера спал в нашей спальне.

А сегодня уже выносил приговор.

— Понятно, — сказала я.

Антон, кажется, ожидал крика. Но я молчала.

Тогда он продолжил:

— У нас нет детей. Это упрощает.

Я медленно вдохнула.

Упрощает.

Наше отсутствие детей — пункт в его удобной таблице.

А ведь когда-то я плакала в ванной после очередного отрицательного теста, а он обнимал меня и говорил:

— Ничего, Стася. Значит, пока не время. У нас всё впереди.

Всё впереди.

Оказалось, впереди у него была Милана.

— Квартиру нужно продать, — сказал Антон. — Закроем ипотеку, остаток поделим.

Я смотрела на него и вдруг почувствовала странное спокойствие.

Не настоящее.

Опасное.

Такое бывает перед бурей.

— Ты уже всё решил?

— Это логично.

— Для кого?

— Для обоих.

— Нет, Антон. Для тебя.

Он раздражённо выдохнул.

— А что ты предлагаешь? Продолжать жить вместе?

— Я предлагаю не делать вид, что ты один здесь принимаешь решения.

— Я не один. Я говорю с тобой.

— Нет. Ты сообщаемшь мне план.

Он замолчал.

— Ты консультировался с юристом? — спросила я.

Антон слишком быстро ответил:

— Нет.

И я сразу поняла: да.

Конечно, да.

Может, ещё до вчерашнего разговора.

Может, неделю назад.

Может, в тот день, когда покупал Милане браслет и думал, как красиво освободиться от жены.

— Врёшь, — сказала я спокойно.

Он прищурился.

— Следи за словами.

— Следила три года. Больше не хочу.

— Ты сейчас специально всё обостряешь.

— А ты специально всё подготовил.

Он поднялся.

— Мне пора на работу.

— Конечно.

— Вечером продолжим.

— Нет.

Он остановился.

— Что значит нет?

— Значит, я не буду обсуждать развод после твоего рабо-

чего дня, когда тебе удобно. Я сама поговорю со специалистом, посмотрю документы и потом мы продолжим.

Он смотрел на меня так, будто впервые увидел во мне человека, способного отказать.

— Ты уже говорила с кем-то?

Я улыбнулась.

— А вот это уже моё личное пространство.

Его лицо потемнело.

Он понял.

Понял, что я тоже не сидела ночью сложа руки.

— Стася, не надо устраивать грязь.

— Грязь уже устроена. Я просто не дам тебе вытереть ноги обо мне.

Он молча взял телефон, ключи, портфель.

У двери остановился.

— Милана здесь ни при чём.

Я медленно повернулась.

— Правда?

— Это между нами.

— Антон, когда чужая женщина пишет мне ночью, что мой муж давно несчастлив, она уже при чём.

Он застыл.

— Она тебе писала?

— Да.

Впервые за всё утро он выглядел растерянным по-настоящему.

— Что именно?

— Боишься, что она сказала лишнее?

— Стася...

— Она написала, что любит тебя. Поздравляю.

Он провёл рукой по лицу.

— Я поговорю с ней.

Я почти рассмеялась.

— Какой заботливый. Со мной ты не поговорил, зато с ней

поговоришь.

— Она не должна была вмешиваться.

— Но спать с женатым мужчиной должна была?

— Ты опять.

— Да, Антон. Я теперь часто буду «опять». Привыкай.

Он ничего не ответил.

Просто вышел.

Дверь закрылась тихо.

И в этой тишине я вдруг поняла: он не остался.

Не подошёл.

Не сказал: «Стася, я всё испортил».

Не попытался взять меня за руку.

Не попросил прощения.

Он просто ушёл на работу.

К ней.

К своей лёгкости.

А я осталась в квартире, которую он уже мысленно выставил на продажу.

Я убрала со стола его чашку.

Вымыла.

Поставила в шкаф.

Потом достала телефон и позвонила Ольге Сергеевне.

Юрист ответила через несколько секунд.

— Станислава?

— Доброе утро. Можно я приеду сегодня?

— Да. В двенадцать есть окно.

— Я буду.

— Возьмите документы, которые есть. И выписки.

— Хорошо.

Я собрала папку.

Документы, скриншоты, выписки, кредитный договор, копии платежей.

Потом остановилась перед шкафом.

Что надеть к юристу, когда твоя жизнь разваливается?

Звучит смешно, но я действительно думала об этом.

В итоге выбрала строгий костюм.

Синий. Почти офисный. Я купила его год назад для собеседования, на которое так и не пошла, потому что Антон сказал:

— Зачем тебе менять работу? Здесь стабильнее. Не надо сейчас рисковать.

Я тогда послушала.

Теперь стояла перед зеркалом в этом костюме и вдруг поняла: я слишком часто слушала.

Слишком часто уступала.

Слишком часто думала, что семейное «мы» важнее моего «я».

А он тем временем выращивал своё «я» в отдельной жизни.

У Ольги Сергеевны кабинет был небольшой, но светлый. Белые стены, папки на полках, стеклянный стол, комнатное растение у окна. Ничего лишнего.

Она посмотрела документы, задала вопросы, что-то отметила карандашом.

Я сидела напротив и чувствовала себя не женой, а делом.

Делом о разделе имущества.

Делом о разводе.

Делом о женщине, которая слишком поздно узнала правду.

— Ситуация стандартная, — сказала Ольга Сергеевна.

Я горько усмехнулась.

— Для вас, наверное.

Она подняла глаза.

— Для закона — да. Для человека — никогда.

Эта фраза неожиданно согрела.

Не жалостью.

Уважением.

— Он предлагает продать квартиру, закрыть ипотеку и поделить остаток, — сказала я.

— Ожидаемо.

— Это правильно?

— Это один из вариантов. Но не единственный.

Я выпрямилась.

— Какие ещё?

— Вы можете договориться, что один из супругов выкупает долю второго. Или продолжать платить ипотеку до продажи на других условиях. Нужно смотреть, какая сумма выплачена, сколько осталось, кто реально вносил платежи, какие были первоначальные средства.

— Первоначальный взнос частично дали мои родители,

— сказала я.

Юрист сразу подняла взгляд.

— Документы есть?

— Перевод от мамы. Назначение платежа, кажется, было «помощь на квартиру».

— Это важно. Очень важно. Найдите подтверждение.

Я кивнула.

Внутри впервые за сутки появилось что-то похожее на опору.

Не надежда.

Опора.

— И ещё, — добавила она. — Если супруг тратил общие средства не на нужды семьи, а на личные отношения, теоретически можно поднимать вопрос о компенсации, но надо оценивать целесообразность. Суд не любит эмоциональные истории. Нужны факты.

Я достала скриншоты.

— Вот.

Она посмотрела.

Не ахнула.

Просто кивнула.

— Сохраняйте. Но главное сейчас не месть, а стратегия.

Стратегия.

Как будто я была на войне.

Возможно, так и было.

Только враг когда-то называл меня любимой.

— Он сказал, что Милана ни при чём, — произнесла я вдруг.

Ольга Сергеевна сняла очки.

— В разводе третьи лица юридически часто действительно ни при чём. Но психологически — это другое.

Я кивнула.

— Она мне писала ночью.

— Не вступайте в переписку.

— Я уже ответила.

— Больше не отвечайте. Всё сохраняйте. Никаких угроз, оскорблений, выяснений. Не давайте использовать вашу боль против вас.

Я сглотнула.

— Он может?

— Станислава, человек, который готовился уйти, часто готовится не только эмоционально, но и практически. Я не

утверждаю, что ваш супруг плохой во всём. Но сейчас ваши интересы расходятся. Исходите из этого.

Ваши интересы расходятся.

Как спокойно звучит фраза, за которой стоит разбитое сердце.

Через час я вышла из кабинета с чётким списком действий.

Найти перевод от родителей.

Сохранить документы.

Проверить, нет ли кредитов или обязательств.

Не подписывать соглашения без проверки.

Не съезжать из квартиры добровольно.

Не ссориться письменно.

Фиксировать всё.

Я шла по улице, прижимая папку к груди, и впервые чувствовала не только боль, но и странную силу.

Да, меня предали.

Да, мне было страшно.

Да, я не знала, что будет дальше.

Но я больше не была слепой.

И это меняло всё.

Телефон зазвонил, когда я подходила к остановке.

На экране высветилось: «Мама».

Я замерла.

Маме я ещё ничего не говорила.

Мама была человеком прямым, горячим и очень любя-

щим. Если бы она узнала, что Антон изменил, она приехала бы к нам с сумкой, валерьянкой и желанием лично выкинуть его вещи в подъезд.

Я не была готова.

Но не ответить не могла.

— Привет, мам.

— Стасенька, привет. Ты где? Голос какой-то странный.

Я закрыла глаза.

Матери слышат даже то, что ты прячешь между словами.

— На улице. По делам ездила.

— Всё хорошо?

Я посмотрела на серое небо.

И вдруг поняла, как устала врать.

— Нет, мам.

На том конце сразу стало тихо.

— Что случилось?

Я вдохнула.

— У нас с Антоном проблемы.

Мама не стала спрашивать глупостей. Не сказала: «Поругались?» Не начала утешать заранее.

Она только тихо спросила:

— Он тебя обидел?

И от этого вопроса у меня задрожали губы.

Как в детстве.

Когда упала, разбила коленку, держалась, держалась, а потом мама сказала: «Больно?» — и всё, слёзы хлынули.

— Да, — прошептала я. — Обидел.

— Где ты сейчас?

— Мам, не надо приезжать.

— Я спросила, где ты сейчас.

— Возле юриста.

Пауза.

Очень длинная.

— Значит, серьёзно, — сказала мама.

— Да.

— Он изменил?

Я не ответила.

Но мама всё поняла.

— Господи, Стасенька...

В её голосе было столько боли, что я чуть не расплакалась прямо на улице.

— Мам, пожалуйста, не надо сейчас. Я держусь.

— Хорошо. Держись. Но запомни: домой к нам ты можешь приехать в любую секунду. Днём, ночью, с вещами, без вещей, молча. Поняла?

Я кивнула, хотя она не видела.

— Поняла.

— И ещё. Не отдавай ему квартиру просто так.

Я неожиданно улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты как Лена.

— Лена умная девочка. Слушай Лену. И юриста слушай. А сердце своё пока не слушай, оно сейчас раненое.

Я остановилась у перехода.

Машины мчались мимо, люди обходили меня, кто-то смеялся по телефону.

А я стояла и держалась за мамин голос.

— Мам, я думала, мы семья.

— Ты была семьёй, доченька. А он оказался человеком, который не выдержал собственной сытости.

— Что это значит?

Мама горько вздохнула.

— Некоторые мужчины изменяют не потому, что им плохо. А потому что им слишком удобно. Их любят, кормят, ждут, прощают заранее. И они начинают думать, что им можно всё.

Я молчала.

Потому что это было слишком похоже на правду.

— Я тебе потом позвоню, хорошо? — сказала я.

— Позвони. И не вздумай защищать его передо мной.

— Не буду.

— Будешь. Ты добрая. Но не надо.

После разговора я долго стояла у перехода.

Потом пришло сообщение.

От Антона.

«Нам надо встретиться вечером и обсудить всё спокойно. Милана тоже хочет поговорить. Она переживает».

Я перечитала.

Один раз.

Второй.

Третий.

Милана тоже хочет поговорить.

Она переживает.

Я даже не сразу поняла, что чувствую.

Потом поняла.

Не боль.

Не ревность.

Не страх.

Омерзение.

Он всерьёз предлагал мне сесть за стол с его любовницей
и обсудить развод, потому что она переживает.

Я написала:

«Милана не участник нашего брака».

Ответ пришёл быстро:

«Она часть моей жизни».

Я сжала телефон так сильно, что побелели пальцы.

Вот и всё.

Вот эта фраза была последней каплей.

Не ночное сообщение.

Не браслет.

Не отель.

А это.

Он не сказал: «Прости, я не должен был её вмешивать».

Он сказал: «Она часть моей жизни».

Как будто я должна была уважительно освободить для неё

стул.

Я набрала:

«Тогда обсуждай с ней свою жизнь. Наш брак и имущество я буду обсуждать только с тобой и юристом».

Отправила.

И сразу заблокировала экран.

Чтобы не ждать.

Чтобы не смотреть, как он печатает.

Чтобы не зависеть от того, что скажет человек, который уже выбрал не меня.

Но телефон всё равно завибрировал.

Звонок.

Антон.

Я не ответила.

Он позвонил снова.

Я не ответила.

Потом пришло голосовое.

Я не включила.

Ещё одно сообщение.

«Не усложняй».

Я усмехнулась прямо посреди улицы.

Не усложняй.

Какая восхитительная просьба от мужчины, который принёс в наш брак третьего человека, ложь, деньги, отель, юриста и развод.

Не усложняй.

Я написала Лене:

«Он предлагает встретиться втроем. С Миланой».

Лена ответила почти мгновенно:

«Он идиот?»

Через секунду второе:

«Не отвечай. Приезжай ко мне после работы или я к тебе».

Я посмотрела на сообщение и впервые за день почувствовала благодарность такую сильную, что стало тепло.

У меня ещё были люди.

Пусть муж оказался чужим.

Но я не была одна.

На работу я приехала с опозданием.

Начальница, Марина Викторовна, только взглянула на меня и сразу сказала:

— Станислава, ко мне.

Я прошла в кабинет, готовая услышать выговор.

Но она закрыла дверь, посмотрела на моё лицо и спросила:

— Что случилось?

Я устало улыбнулась.

— Так заметно?

— Очень. Садись.

Марина Викторовна была женщиной лет пятидесяти, строгой, сухой, с идеально уложенными волосами и манерой говорить так, что даже принтер начинал работать быстрее. Но за этой сухостью было что-то человеческое. Не мягкое,

нет. Надёжное.

Я села.

— Дома проблемы, — сказала я.

— Муж?

Я кивнула.

Она не стала уточнять.

Просто открыла ящик, достала упаковку салфеток и поставила передо мной.

— Плакать будешь?

— Не хочу.

— Правильно. На работе неудобно. Но если надо — в туалете второй этаж, там редко кто ходит.

Я неожиданно рассмеялась.

Коротко, почти беззвучно.

— Спасибо.

— Отпуск нужен?

Я подумала.

Раньше я бы взяла. Спряталась бы дома. Лежала бы под одеялом, перечитывала переписки, умирала от боли.

Но теперь дом был территорией войны.

А работа — хотя бы местом, где я оставалась собой.

— Нет, — сказала я. — Лучше загрузите меня чем-нибудь.

Марина Викторовна внимательно посмотрела.

— Это я умею.

Она протянула мне папку.

— Тогда вот. Новый проект. Сложный клиент. Справишься?

Я взяла папку.

— Справлюсь.

— Хорошо. И ещё, Станислава.

— Да?

— Личная жизнь рушится громко. Карьера строится тихо.
Не перепутай, куда вкладывать силы.

Эта фраза осталась со мной на весь день.

Я работала как заведённая.

Разбирала документы, звонила клиентам, писала письма, делала расчёты. Иногда боль пробивалась так резко, что приходилось останавливаться и просто смотреть в экран, пока буквы не переставали расплываться.

Но я не уходила.

Не сдавалась.

Не звонила Антону.

Не писала Милане.

В обед пришло сообщение от неизвестного номера.

Я уже знала, кто это.

Милана.

«Стася, я понимаю, вы злитесь. Но вы должны знать: Антон давно хотел уйти. Я не разрушала вашу семью».

Я закрыла глаза.

Глубоко вдохнула.

Не отвечать.

Юрист сказала не отвечать.

Но пальцы сами открыли чат.

Я смотрела на её сообщение и вдруг поняла, как устроена наглость.

Человек заходит в чужой дом через чёрный ход, а потом говорит: «Я не разрушала, дверь уже была приоткрыта».

Я переслала сообщение Ольге Сергеевне.

Потом Лене.

Сама не ответила.

Через минуту Милана написала снова:

«Я не хочу войны. Я хочу, чтобы всё было по-человечески».

По-человечески.

Я почти физически почувствовала, как внутри поднимается что-то тёмное.

По-человечески — это не спать с чужим мужем.

По-человечески — это не писать жене ночью.

По-человечески — это не просить признать тебя частью жизни мужчины, который ещё вчера делил постель с другой женщиной.

Но я молчала.

Потому что моё молчание было теперь не слабостью.

Оно было границей.

К вечеру я устала так, будто таскала мешки.

Когда вышла из офиса, на улице уже темнело. Моросил мелкий дождь. Я подняла воротник пальто и пошла к оста-

новке.

И тогда увидела их.

Антон стоял у чёрной машины через дорогу.

Рядом с ним — женщина.

Высокая. Стройная. В светлом пальто. Длинные тёмные волосы падали на плечи. Она что-то говорила, подняв к нему лицо, а он слушал внимательно. Слишком внимательно.

Потом она коснулась его руки.

Просто пальцами.

Легко.

Но этот жест был таким привычным, что у меня перехватило дыхание.

Это была не женщина, которая случайно появилась в его жизни.

Это была женщина, которая уже считала его своим.

Я стояла под дождём и смотрела.

Можно было перейти дорогу.

Подойти.

Сказать что-нибудь хлёсткое.

Устроить сцену, которую они, возможно, заслужили.

Но я не двинулась.

Потому что в этот момент увидела главное.

Антон не отстранился.

Не убрал руку.

Не посмотрел по сторонам с виной.

Он просто стоял рядом с ней.

Спокойно.

Открыто.

Будто уже был свободен.

И это вдруг отрезвило меня окончательно.

Мой муж не был человеком, которого у меня украли.

Он сам ушёл.

Просто забыл сообщить.

Милана первая заметила меня.

Я увидела, как её лицо изменилось. Она чуть напряглась, потом сказала что-то Антону.

Он повернулся.

Наши взгляды встретились через дорогу.

Машины ехали между нами. Дождь превращал фонари в размытые пятна. Люди спешили мимо.

А мы стояли и смотрели друг на друга.

Он сделал шаг.

Я подняла руку.

Не надо.

Не подходи.

Он остановился.

Милана смотрела на меня с выражением, которое, наверное, должно было означать сочувствие.

Но я увидела там другое.

Страх.

Потому что я не кричала.

Не плакала.

Не бросалась к ним.

Просто смотрела.

А потом развернулась и пошла прочь.

Телефон зазвонил почти сразу.

Антон.

Я сбросила.

Он позвонил снова.

Снова сбросила.

Сообщение:

«Ты всё неправильно поняла».

Я остановилась посреди тротуара и рассмеялась.

Громко.

Сквозь дождь.

Сквозь боль.

Сквозь всю эту чудовищную нелепость.

Неправильно поняла.

Какая фраза.

Универсальная спасательная лодка лжецов.

Я набрала ответ:

«Я впервые всё поняла правильно».

И отправила.

Дома меня ждала тишина.

Антон не было.

Я сняла мокрое пальто, переоделась, поставила чайник.

Потом открыла ноутбук и нашла письмо от мамы с подтверждением перевода на первоначальный взнос. Она прислала

не только выписку, но и короткое сообщение:

«Доченька, это твоя опора. Не отдавай своё».

Я сохранила файл.

Потом открыла пустой документ и написала сверху:

«План».

Ниже:

Документы.

Юрист.

Деньги.

Работа.

Не верить словам.

Не бояться тишины.

Не возвращаться туда, где тебя уже предали.

Я смотрела на этот список долго.

Пункт семь был самым страшным.

Потому что где-то глубоко, под злостью и здравым смыслом, всё ещё жила маленькая, глупая надежда.

А вдруг он опомнится?

А вдруг поймёт?

А вдруг прибежит, упадёт на колени, скажет, что ошибся?

Я ненавидела себя за эту надежду.

Но она была.

Любовь не умирает в ту секунду, когда её предают.

Она ещё какое-то время бьётся внутри.

Глупо.

Больно.

По привычке.

В десять вечера Антон пришёл домой.

Один.

Я сидела на кухне с ноутбуком.

Он вошёл и остановился у двери.

— Нам надо поговорить.

Я не подняла глаз.

— Говори.

— Не так.

— А как?

— По-человечески.

Я медленно закрыла ноутбук.

— Сегодня это слово очень популярно.

Он устало посмотрел на меня.

— Стася, я понимаю, что тебе больно.

— Неужели?

— Пожалуйста, без сарказма.

— Хорошо. Продолжай.

Он сел напротив.

Выглядел он уже не таким уверенным, как утром. Видимо, моя реакция на улице выбила его из равновесия.

— Я не хотел, чтобы ты увидела нас так.

— А как хотел?

— Чтобы мы сначала всё обсудили.

— Встроём?

Он поморщился.

— Милана хочет объяснить свою позицию.

Я посмотрела на него молча.

Он выдержал мой взгляд секунды три.

Потом отвёл глаза.

— Я понимаю, как это звучит.

— Нет. Не понимаешь.

— Она не плохой человек.

Я тихо засмеялась.

— Антон, ты сейчас правда защищаешь любовницу перед женой?

Он сжал пальцы.

— Я не хочу, чтобы ты её ненавидела.

— Поздно.

— Она не виновата в том, что у нас всё развалилось.

Я наклонилась вперёд.

— У нас всё развалилось не потому, что появилась она. У нас всё развалилось потому, что ты впустил её туда, где должен был быть честным со мной.

Он молчал.

— Не перекладывай на меня обязанность быть благородной, — продолжила я. — Я не обязана понимать Милану. Не обязана уважать ваши чувства. Не обязана делать вам удобный развод.

— Я не прошу удобный.

— Просишь.

— Я прошу не превращать это в войну.

— Войну начал ты, когда решил, что можешь построить новую жизнь за моей спиной, а старую разобрать по расписанию.

Он резко выдохнул.

— Хорошо. Что ты хочешь?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Правду. Полную.

— Ты уже всё знаешь.

— Нет. Я знаю достаточно, чтобы уйти. Но не достаточно, чтобы понять, с кем я жила.

Он побледнел.

— Не надо драматизировать.

— Когда началось?

Он закрыл глаза.

— Стася.

— Когда?

— В июле.

Июль.

Сейчас был ноябрь.

Четыре месяца.

Четыре месяца я жила рядом с человеком, который уже принадлежал не только мне.

Я кивнула.

— Где?

— На корпоративном выезде.

— Первый раз?

Он молчал.

— Антон.

— Да.

Я почувствовала, как пальцы впились в край стола.

Корпоративный выезд.

Я помнила тот день.

Я ещё помогала ему собирать рубашку. Он не мог найти зарядку, нервничал, а я бегала по квартире, искала её под диваном. Потом он поцеловал меня в макушку и сказал:

— Что бы я без тебя делал?

Теперь я знала.

Милану.

— Ты вернулся оттуда и подарил мне цветы, — сказала я.

Он поднял глаза.

— Что?

— После выезда. Ты пришёл с цветами. Просто так.

Он молчал.

А я вдруг поняла.

Цветы были не от любви.

Цветы были от вины.

Господи.

Сколько в моей памяти теперь придётся переписать?

— Ты спал со мной после неё? — спросила я.

Антон резко встал.

— Я не буду это обсуждать.

— Потому что ответ «да»?

— Это унизительно.

— Для кого?

Он посмотрел на меня с больной злостью.

— Ты хочешь сделать мне больно?

Я поднялась тоже.

— Нет, Антон. Я хочу вернуть себе реальность. Потому что ты четыре месяца жил в моей жизни и подменял её ложью.

Он отвернулся.

— Да, — сказал он глухо.

Одно слово.

И меня будто ударили в грудь.

Я схватилась за спинку стула.

Не упасть.

Только не при нём.

Только не сейчас.

Он сделал шаг ко мне.

— Стася...

— Не трогай меня.

Он остановился.

Я подняла на него глаза.

— Никогда больше не трогай меня.

В комнате стало тихо.

Очень тихо.

Так тихо, что я слышала, как капает вода из крана.

Антон смотрел на меня, и впервые в его лице мелькнуло

что-то похожее на настоящий ужас.

Потому что до этого момента, возможно, он думал, что всё ещё может управлять мной.

Моей болью.

Моей любовью.

Моей привычкой к нему.

А я только что закрыла последнюю дверь.

— Я перееду, — сказал он тихо.

Я кивнула.

— Хорошо.

— На время.

— Как скажешь.

— Не надо так.

— Как?

— Будто тебе всё равно.

Я посмотрела на него.

— Мне не всё равно. Мне просто больше нельзя показывать тебе, где болит.

Он опустил глаза.

И вдруг сказал:

— Я правда любил тебя.

Я улыбнулась.

Слёзы стояли в горле, но я улыбнулась.

— Возможно. Только ты любил меня так, как любят дом, в который приятно возвращаться. А потом захотел курорт.

Он ничего не ответил.

Пошёл в спальню собирать вещи.

Я осталась на кухне.

Слушала, как открываются ящики. Как он достаёт одежду.

Как складывает рубашки в сумку.

Каждый звук был маленьким концом.

Вот он взял свитер, который я подарила ему на прошлый

Новый год.

Вот открыл шкаф с бельём.

Вот достал дорожную сумку, с которой мы ездили в отпуск.

Вот молния.

Вот шаги.

Он вышел в коридор с сумкой в руке.

— Я напишу завтра, — сказал он.

Я стояла у окна.

— Лучше через юриста.

Он вздрогнул.

— Ты серьёзно?

Я повернулась.

— Абсолютно.

— Стася, мы же не чужие.

И вот тут что-то внутри меня сломалось окончательно.

Не громко.

Просто щёлкнуло.

— Чужие не предают, Антон. Предают свои.

Он побледнел.

Постоял ещё секунду.

Потом вышел.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

В нашей квартире.

Нет.

В моей квартире.

Пока ещё в моей.

Я медленно прошла в спальню.

Шкаф был наполовину пуст.

На полке остался один его старый шарф. Я взяла его, прижала к лицу и вдохнула.

Пахло Антоном.

Домом.

Прошлым.

И я наконец разрыдалась.

Так, как не плакала даже вчера.

С голосом.

С болью.

С тем самым животным отчаянием, которое невозможно сделать красивым.

Я плакала на полу возле шкафа, сжимая его шарф, и ненавидела себя за то, что мне всё ещё больно его отпускать.

Потому что любовь не выключается по факту измены.

Она умирает медленно.

Сопrotивляясь.

Цепляясь за воспоминания.

За «он же был другим».

За «а вдруг можно было спасти».

Но потом перед глазами снова возникла Милана у машины.

Её рука на его руке.

Его спокойное лицо.

И я вытерла слёзы.

Встала.

Положила шарф в пакет.

Завязала.

Потом взяла телефон и написала Лене:

«Он ушёл».

Она ответила:

«Я еду».

Я хотела написать: «Не надо».

Но не стала.

Иногда сила — это не сидеть одной в темноте.

Иногда сила — открыть дверь тому, кто пришёл держать тебя, пока ты разваливаешься.

Через сорок минут Лена уже была у меня.

С мокрыми волосами, в огромном пуховике, с пакетом из магазина.

— Я принесла вино, шоколад и сыр, — сказала она с порога. — Не знаю, что из этого лечит развод, но будем пробовать всё.

Я рассмеялась сквозь слёзы.

Она обняла меня крепко.

Так крепко, что я наконец позволила себе обмякнуть.

— Всё, — сказала Лена мне в волосы. — Выдыхай. Он ушёл. Теперь начнём спасать тебя.

Мы сидели на кухне до двух ночи.

Я рассказывала ей всё.

Про июль.

Про корпоратив.

Про цветы.

Про его фразу «она часть моей жизни».

Лена слушала, иногда материлась, иногда наливала мне чай вместо вина, потому что я после первого бокала начала плакать слишком сильно.

— Знаешь, что самое мерзкое? — сказала я ближе к ночи.

— Что?

— Он не выглядел счастливым. С ней. На улице. Он выглядел... уверенным. Будто имеет право.

Лена кивнула.

— Потому что ему долго сходило с рук.

Я задумалась.

— Думаешь?

— Да. Не обязательно измены. Вообще. Ты его берегла. Сглаживала углы. Объясняла его усталость. Принимала его молчание. Он привык, что ты всё выдержишь.

Я смотрела в чашку.

— А я не выдержала.

— Нет, Стася. Ты как раз выдержала. Просто больше не стала делать вид, что тебе не больно.

Под утро Лена уснула на диване.

А я так и не смогла.

Я сидела у окна, закутавшись в плед, и смотрела на город.

Где-то там был Антон.

Может, у Миланы.

Может, в гостинице.

Может, уже рассказывал ей, как тяжело прошёл разговор с «бывшей почти женой».

Бывшей почти женой.

Я усмехнулась.

Взяла телефон.

И увидела новое сообщение.

Не от Антона.

От Миланы.

«Он сейчас у меня. Я надеюсь, вы не будете манипулировать им чувством вины. Мы все имеем право на счастье».

Я смотрела на экран.

Долго.

Очень долго.

Потом открыла чат с Ольгой Сергеевной и переслала сообщение ей.

А Милане не ответила.

Только заблокировала номер.

Потом встала, подошла к зеркалу в прихожей и посмотрела на себя.

Глаза красные.

Лицо уставшее.

Но спина прямая.

— Вы имеете право на счастье, — тихо сказала я своему отражению. — А я имею право на правду. На квартиру. На уважение. На жизнь без лжи.

И впервые за эти дни мне стало не просто больно.

Мне стало интересно.

Что будет дальше со мной?

Не с Антоном.

Не с Миланой.

Со мной.

С той Стасей, которую они оба так удобно списали со счетов.

Я выключила свет в коридоре.

Вернулась в спальню.

Легла на свою половину кровати.

И впервые не стала смотреть на пустое место рядом.

Потому что пустота — это не всегда конец.

Иногда это место.

Для новой жизни.

Глава 4. Когда он понял, что я не шучу

Утро началось с запаха кофе.

Не моего.

Лена проснулась раньше меня и хозяйничала на кухне так уверенно, будто жила здесь всю жизнь. Я открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где нахожусь и почему в квартире так тихо.

Потом всё вспомнила.

Антон ушёл.

Шкаф наполовину пуст.

Милана написала: «Он сейчас у меня».

И почему-то именно эта фраза снова кольнула сильнее всего.

Не потому, что я не знала.

Я знала.

Я сама видела их у машины. Я сама слышала от него, что она — часть его жизни. Я сама смотрела на то, как он собирает вещи.

Но одно дело — понимать.

И другое — видеть, как чужая женщина сообщает тебе о твоём муже так, будто он её вещь.

«Он сейчас у меня».

Как будто хвасталась.

Как будто ставила печать.

Как будто говорила: «Всё, Стася, твой срок закончился».

Я села на кровати и провела рукой по лицу.

Голова болела. В горле пересохло. Под глазами, наверное, были тени, как у героини плохой мелодрамы после третьей серии страданий.

Но плакать уже не хотелось.

Странно.

Будто слёзы ночью вымыли из меня самое острое, оставив после себя тяжёлую пустоту.

В дверях появилась Лена с кружкой.

— Живая?

— Условно.

— Уже неплохо.

Она протянула мне кофе.

— Пей. Я сделала крепкий. Такой, чтобы не просто проснуться, а вспомнить, что ты женщина, которую нельзя списывать в утиль.

Я взяла кружку и впервые за утро улыбнулась.

— Ты всегда такая вдохновляющая?

— Нет. Обычно я циничная. Но для тебя сегодня тариф «подруга-спасатель».

Лена села рядом на край кровати и внимательно на меня посмотрела.

— Как ты?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Будто меня вынули из моей жизни и забыли сказать, куда теперь идти.

— Значит, сегодня будем рисовать карту.

— Какую?

— Твою. Без Антона.

Я отвернулась к окну.

Серое утро стояло над городом. Машины во дворе были покрыты мелкими каплями дождя. На детской площадке качели слегка двигались от ветра.

Без Антона.

Два слова.

Как приговор.

И как возможность.

— Он вчера ушёл так спокойно, — сказала я. — Понимаешь? Не так, как уходят, когда жалеют. А так, как уходят туда, где их ждут.

Лена поморщилась.

— Потому что там его сейчас гладят по голове и говорят, что он бедный, несчастный, устал жить в тяжёлом браке.

Я усмехнулась.

— Ты думаешь, она так говорит?

— Уверена. Любовницы очень любят верить, что мужчина не изменщик, а пленник обстоятельств. Это делает их не соучастницами, а спасительницами.

Я долго молчала.

Потом тихо спросила:

— А вдруг он правда был несчастлив?

Лена посмотрела на меня так, будто я сказала глупость, но не стала ругать.

— Может, и был. Люди бывают несчастливы в браке. Но нормальные люди говорят об этом до того, как покупают браслет другой женщине и снимают отель.

Я кивнула.

— Да.

— Запомни, Стася. Его несчастье не давало ему права делать тебя душой.

Эта фраза легла внутрь тяжело, но правильно.

Не давало права.

Я повторила про себя.

Его боль, его усталость, его кризис, его «запутался» — ничего из этого не давало ему права лгать мне четыре месяца.

— Что будем делать? — спросила Лена.

Я отпила кофе.

Он был горький, горячий, почти обжигающий.

— На работу.

— Ты уверена?

— Да. Если останусь дома, буду ходить по комнатам и представлять, как он у неё.

Лена кивнула.

— Разумно.

— Потом банк. Нужно взять выписки по платежам. И най-

ти перевод от родителей в оригинале.

— Я с тобой.

— Не надо. У тебя дела.

— У меня сегодня главное дело — не дать тебе развалиться в очереди банка.

Я посмотрела на неё.

— Лен...

— Даже не спорь.

Я не стала.

Иногда помощь надо не заслуживать, а принимать.

Через час мы уже стояли на кухне. Лена жарила яичницу, а я проверяла почту и сообщения. От Антона было два пропущенных звонка и одно сообщение.

«Нам всё равно надо говорить. Не через юриста, а нормально».

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри поднимается усталая злость.

Нормально.

Ему всё ещё хотелось «нормально».

То есть так, чтобы не было неприятно ему.

Я написала:

«По имущественным вопросам — через юриста. По бытовым — письменно».

Он прочитал почти сразу.

Ответ пришёл через минуту:

«Ты ведёшь себя так, будто я враг».

Я долго смотрела на эту фразу.

Потом набрала:

«Ты ведёшь себя так, будто я обязана быть союзником в собственном предательстве».

Отправила.

Лена заглянула через плечо.

— Отлично. Жёстко и без мата. Я бы не смогла.

— Я тоже хотела матом.

— Это нормально. Мат — это стадия восстановления.

Я фыркнула.

На секунду стало почти легко.

Но потом пришёл ответ.

«Я не предавал тебя. Я честно сказал, что хочу развода».

Я почувствовала, как пальцы похолодели.

Он честно сказал.

После четырёх месяцев лжи.

После отеля.

После Миланы.

После того, как я сама всё поняла.

Он называл это честностью.

— Не отвечай, — сказала Лена.

Я медленно положила телефон на стол.

— Не буду.

Но внутри меня что-то заскрежетало.

Потому что я вдруг поняла: Антон уже переписывал историю.

В его версии он был не изменщиком, а честным мужчиной, который наконец признался.

В его версии наш брак давно умер.

В его версии Милана не разрушала семью, а появилась после того, как всё закончилось.

В его версии я, скорее всего, была холодной, тяжёлой, неудобной женщиной, рядом с которой невозможно было дышать.

И если я промолчу, он расскажет эту версию всем.

Друзьям.

Коллегам.

Родителям.

Может быть, даже самому себе.

— Он сделает из меня виноватую, — сказала я.

Лена выключила плиту.

— Попробует.

— Уже делает.

— Поэтому у тебя должны быть факты и спокойствие.

Мужчина может сколько угодно рассказывать, что жена его не понимала. Но отель и сообщения очень плохо вписываются в образ святого страдальца.

Я кивнула.

Но больно было не от того, что он мог обмануть других.

Больно было от того, что он так легко обманывал себя.

На работу я приехала почти вовремя.

Лена высадила меня у входа, строго посмотрела и сказала:

— Если захочешь рыдать — звони. Если захочешь ему написать — сначала звони мне. Если захочешь простить — звони психиатру.

Я рассмеялась.

— Ты ужасная.

— Я эффективная.

Она уехала, а я вошла в офис.

День начался странно. Я сидела за компьютером, отвечала на письма, сверяла таблицы, но всё время ощущала, будто во мне поселился второй человек.

Одна Стася писала клиенту: «Добрый день, направляю обновлённый расчёт».

Другая Стася думала: «Мой муж ночевал у другой женщины».

Одна Стася делала пометки по проекту.

Другая вспоминала, как Антон в июле вернулся с корпоративного выезда и подарил мне цветы.

Одна Стася улыбалась коллегам.

Другая хотела выйти на лестницу и кричать.

К полудню меня вызвала Марина Викторовна.

— Станислава, зайди.

Я вошла в кабинет.

Она сидела за столом с распечатками, но смотрела не на них, а на меня.

— Ты сегодня лучше выглядишь.

— Это косметика.

— Хорошая косметика. Но я не об этом.

Я села.

Марина Викторовна протянула мне папку.

— Клиент вчера написал, что ты быстро включилась. Молодец.

Я машинально кивнула.

— Спасибо.

— И ещё. У нас через две недели открывается позиция ведущего специалиста по проектам. Я собиралась предложить тебе подать заявку ещё месяц назад, но ты тогда была какая-то... погасшая.

Я подняла глаза.

— Мне?

— А кому? Ты работаешь аккуратно, клиентов не теряешь, в авралах не истеришь.

Я горько усмехнулась.

— В личной жизни, правда, не всегда получается.

— Личная жизнь — не отчёт. Там формулы часто не работают.

Я посмотрела на папку.

— Я не уверена, что сейчас лучшее время.

— Ошибаешься. Иногда лучшее время начинается ровно тогда, когда старое тебя перестаёт держать.

Я молчала.

— Подумай, — сказала она. — И не из позиции «я справлюсь или нет». А из позиции «почему нет».

Я вышла из кабинета с папкой в руках.

И впервые за эти дни в груди шевельнулось что-то другое.

Не боль.

Не злость.

Интерес.

Ведущий специалист.

Новая должность.

Новая зарплата.

Больше самостоятельности.

Я вспомнила, как год назад хотела сменить работу, как Антон сказал: «Не рискуй». Как я согласилась. Как потом несколько месяцев убеждала себя, что стабильность важнее.

А может, он просто любил, когда я была удобной?

Не слишком занятой.

Не слишком уверенной.

Не слишком независимой.

К трём часам позвонили из банка. Подтвердили, что расширенную выписку можно получить в отделении после пяти. Я написала Лене, и она ответила: «Заеду».

Всё шло по плану.

Пока мне не позвонила свекровь.

На экране высветилось: «Нина Павловна».

Я смотрела на имя и чувствовала, как сжимается желудок.

Мать Антона.

Женщина сложная, мягко говоря. Не злая напрямую, нет. Она никогда не кричала, не оскорбляла, не лезла в наш дом

с проверками. Но у неё был особый талант: любая ситуация в итоге превращалась в доказательство того, что Антон хороший, просто его не поняли.

Я нажала «ответить».

— Алло, Нина Павловна.

— Стася, здравствуй. Ты можешь говорить?

Голос был холодный.

Не тревожный.

Именно холодный.

Значит, Антон уже рассказал.

— Могу пару минут.

— Антон у нас.

У нас.

Значит, не у Миланы?

Или уже успел уехать к маме жаловаться?

— Понятно.

— Он очень плохо выглядит.

Я закрыла глаза.

Вот и началось.

— Мне жаль.

— Стася, я не знаю, что у вас произошло, но он сказал, что ты выгнала его из дома.

Я медленно вдохнула.

— Он ушёл сам, Нина Павловна.

— С вещами?

— Да.

— После ссоры?

— После разговора.

Она помолчала.

— Он сказал, ты разговаривала с ним очень жестоко.

Я почти улыбнулась.

Жестоко.

Не он изменял — я разговаривала жестоко.

— Возможно.

— Стася, я понимаю, у вас кризис. Но в семье надо уметь прощать.

Я посмотрела в окно кабинета переговоров, куда ушла для звонка.

На улице люди переходили дорогу, кто-то держал ребёнка за руку, курьер спешил с коробкой пиццы. Обычная жизнь. И среди неё я стояла с телефоном, слушала женщину, которая уже примерила на меня роль виноватой.

— Прощать что именно? — спросила я спокойно.

Пауза.

— Ну... ошибки.

— Какие ошибки?

— Стася, не надо меня допрашивать.

— Я не допрашиваю. Просто хочу понять, что именно вы предлагаете мне простить.

Нина Павловна вздохнула.

— Антон сказал, что у него появилась другая женщина.

Вот так.

«Появилась».

Как простуда.

Как случайная царапина.

Как обстоятельство.

— Не появилась, — сказала я. — Он завёл отношения на стороне, пока был женат.

— Ты сейчас говоришь от обиды.

— Нет. От фактов.

Голос свекрови стал жёстче.

— Мужчины иногда ошибаются.

Я почувствовала, как внутри во мне распрямляется что-то стальное.

— А женщины иногда перестают это обслуживать.

Она замолчала.

— Стася, ты всегда была разумной девочкой.

Девочкой.

Мне тридцать шесть.

Но для неё я всё ещё девочка, которую можно похвалить за послушание.

— Спасибо.

— Не ломай всё сгоряча. Милана... эта девушка... она, возможно, временное увлечение.

Я тихо рассмеялась.

— Ваш сын планировал уйти к временному увлечению?

— Он запутался.

Я закрыла глаза.

Вот оно снова.

Семейное слово.

Запутался.

Может, им всем выдали его при рождении Антона.

— Нина Павловна, я не буду обсуждать Милану.

— А что ты будешь обсуждать?

— Развод и имущество. Через юристов.

— То есть ты решила наказать его?

— Я решила защитить себя.

— От кого? От собственного мужа?

Я ответила не сразу.

Потом тихо сказала:

— Собственный муж не должен быть человеком, от которого надо защищаться. Но ваш сын сделал всё, чтобы это изменилось.

Она шумно выдохнула.

— Я не узнаю тебя.

— Я тоже долго не узнавала Антона. Теперь мы квиты.

И я завершила звонок.

Руки дрожали.

Но не от слабости.

От злости.

Через минуту пришло сообщение от Антона.

«Зачем ты грубишь моей матери?»

Я усмехнулась.

Он даже не дал паузу.

Значит, сидит рядом.

Значит, мама пересказывает.

Значит, они уже семейным советом решают, как вернуть меня в удобную роль.

Я написала:

«Я ответила ей спокойнее, чем ты заслужил».

Он прочитал.

Потом:

«Ты становишься мстительной».

Я набрала:

«Я становлюсь свободной. Тебе просто непривычно».

И убрала телефон.

После работы Лена действительно приехала за мной. Мы поехали в банк. Она всю дорогу болтала о каких-то нелепостях — о коллеге, который случайно отправил начальнику мем вместо отчёта, о коте соседки, о скидках на куртки. Я понимала, что она делает это специально, чтобы не дать мне провалиться в мысли.

В банке всё прошло быстро.

Мне выдали выписки, подтвердили платежи, распечатали историю поступлений. Перевод от родителей был там. Дата. Сумма. Назначение платежа.

«На первоначальный взнос по квартире для Стаси».

Я смотрела на эту строку и впервые почувствовала не просто опору.

А почти благодарную злость.

Мои родители вкладывались в моё будущее.

Не в удобный выход Антона к Милане.

— Отлично, — сказала Лена. — Это тебе пригодится.

— Да.

Мы вышли из банка, и я вдруг остановилась.

На противоположной стороне улицы была кофейня.

Та самая сеть, куда мы с Антоном часто заходили по субботам. Он всегда брал американо без сахара, а я — капучино с корицей. Мы садились у окна, смотрели на прохожих, обсуждали планы.

Я вспомнила один конкретный день.

Прошлая зима.

Снег.

Антон греет мои руки в своих ладонях и говорит:

— Стася, я иногда думаю, что мне очень повезло с тобой.

И я тогда смеялась:

— Иногда?

Он целовал мои пальцы.

— Постоянно. Просто иногда особенно.

Господи.

Как же больно, когда хорошие воспоминания становятся уликами против настоящего.

— Стася? — Лена коснулась моего плеча.

— Всё нормально.

— Уверена?

— Нет. Но пойдём.

Мы доехали до моего дома ближе к семи.

И уже у подъезда я увидела Антона.

Он стоял возле входа, в тёмном пальто, с сумкой через плечо. Видимо, ждал меня.

Лена сразу напряглась.

— Мне выйти с тобой?

— Нет.

— Стася.

— Всё нормально. Подожди пару минут.

Я вышла из машины и подошла к нему.

Дождь закончился, но воздух был влажный и холодный. Антон выглядел уставшим. По-настоящему. Под глазами тени, щетина на лице, губы сжаты.

Раньше я бы сразу почувствовала жалость.

Сейчас только осторожность.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Это и мой дом.

— Ты сам ушёл.

— Мне нужны кое-какие вещи.

— Напиши список. Я соберу.

Он криво усмехнулся.

— Ты серьёзно непустишь меня?

— Сейчас — нет.

— Стася, не доводи до абсурда.

Я посмотрела ему в глаза.

— Антон, вчера ты ушёл. Сегодня твоя мать звонит мне с

рассказами о прощении. Милана пишет мне о праве на счастье. Ты обвиняешь меня в мстительности. Как думаешь, у меня есть желание пускать тебя в квартиру без свидетеля?

Он перевёл взгляд на машину Лены.

— Она теперь твой адвокат?

— Она мой друг.

— Конечно. Теперь все будут против меня.

Я устало улыбнулась.

— Ты правда не можешь без роли жертвы?

Он резко посмотрел на меня.

— Я приехал поговорить нормально.

— Нет. Ты приехал проверить, насколько я серьёзно.

Он молчал.

Я попала точно.

— И что? — спросила я. — Проверил?

— Стася, я не хочу с тобой воевать.

— Тогда перестань стрелять.

— Я не стреляю.

— Ты подключил мать.

— Я ей рассказал, потому что мне плохо!

Эти слова вырвались у него неожиданно громко.

Я даже вздрогнула.

Антон сразу понизил голос.

— Мне тоже плохо, понимаешь?

Я смотрела на него.

Вот оно.

Первое настоящее признание боли.

Но не вины.

Ему плохо.

Потому что всё стало сложно.

Потому что я не согласилась на тихий удобный развод.

Потому что его мать переживает.

Потому что Милана нервничает.

Потому что жена вдруг перестала быть мягкой.

— Понимаю, — сказала я. — Но я больше не человек, который будет лечить твою боль от твоих же решений.

Он отвернулся.

— Ты изменилась.

— Да.

— За два дня.

— Нет, Антон. За четыре месяца. Просто ты заметил только сейчас.

Он замолчал.

Мимо нас прошла соседка с пакетом продуктов. Поздоровалась. Мы оба кивнули. Она скрылась в подъезде, и между нами снова повисла эта нелепая тишина.

— Мне нужны документы на машину и несколько рубашек, — сказал он.

— Машина оформлена на тебя. Документы у тебя в бардачке.

— Договор купли-продажи в шкафу.

Я кивнула.

— Соберу.

— Я могу сам.

— Нет.

Он сжал зубы.

— Ты не имеешь права меня не пускать.

— Имею право не оставаться с тобой один на один. Хочешь — поднимемся вместе с Леной.

Он посмотрел на машину.

Лена сидела за рулём и смотрела на нас так, что даже с расстояния было понятно: она мечтает открыть окно и сказать всё, что думает.

Антон поморщился.

— Не надо.

— Тогда жди здесь.

Я поднялась в квартиру.

Лена, конечно, пошла со мной.

— Он что?

— Вещи нужны.

— Ага. И контроль над ситуацией.

— Я знаю.

Мы быстро собрали рубашки, документы, зарядку, ещё какие-то мелочи. Я сложила всё в пакет. Когда взяла одну из его рубашек, из кармана выпал чек.

Я наклонилась.

Ресторан.

Два ужина.

Вино.

Десерт.

Дата — день нашей годовщины.

Я замерла.

Лена увидела моё лицо.

— Что там?

Я молча протянула ей чек.

Она прочитала и выругалась.

Тихо, но от души.

На нашу годовщину Антон сказал, что задерживается из-за срочной встречи.

Я тогда сидела дома с тортом.

Дура.

Нет, не дура.

Жена.

Это разные вещи, хотя иногда очень похожи по последствиям.

Я аккуратно сфотографировала чек.

Потом положила его в папку.

— Может, не отдавать рубашку? — спросила Лена. — Сжечь ритуально?

— Нет.

— Жаль.

Мы спустились вниз.

Антон всё ещё стоял у подъезда. Я протянула ему пакет.

— Здесь рубашки, зарядка, документы.

Он взял.

— Спасибо.

— И ещё.

Я достала чек из отдельного прозрачного файла и показала ему.

Он посмотрел.

Побледнел.

— С годовщиной, Антон.

Он поднял глаза.

— Стася...

— В тот вечер я ждала тебя с тортом.

Он молчал.

— Помнишь? Ты написал: «Срочная встреча, не жди». А я всё равно ждала. Потому что годовщина.

Он сжал пакет.

— Я не знал, как сказать.

— Зато знал, какой десерт заказать.

Его лицо исказилось.

— Хватит.

— Да. Вот именно. Хватит.

Я убрала чек.

— Больше не приходи без предупреждения. Всё только письменно.

— Ты хочешь уничтожить всё хорошее, что между нами было?

Я посмотрела на него долго.

Очень долго.

— Нет, Антон. Ты уже это сделал. Я просто перестала прикрывать руины занавесками.

Он резко развернулся и пошёл к машине.

Я смотрела ему вслед.

И почему-то мне было не легче.

Не было радости победы.

Только усталость.

Потому что каждый новый факт не помогал разлюбить быстрее. Он просто делал боль точнее.

Лена подошла рядом.

— Держись?

— Не знаю.

— Держись.

— Мне хочется лечь на асфальт.

— Не советую. Мокро.

Я неожиданно рассмеялась.

И в этом смехе было столько отчаяния, что Лена обняла меня за плечи.

— Пойдём домой.

— Домой, — повторила я.

Квартира встретила нас теплом.

Я положила папку с документами на стол. Лена заварила чай. Мы молчали.

Потом мой телефон снова завибрировал.

Сообщение от неизвестного номера.

Я напряглась.

Но это была не Милана.

Это был отец Антона.

«Стася, добрый вечер. Можно завтра встретиться? Без Нины и без Антона. Мне нужно с вами поговорить».

Я перечитала сообщение.

Сердце почему-то забилося быстрее.

Отец Антона, Сергей Михайлович, всегда был человеком молчаливым. На семейных праздниках говорил мало, больше слушал. Никогда не вмешивался в наши отношения. Никогда не давал советов.

И вот теперь хотел встретиться.

Без Нины.

Без Антона.

Лена заглянула в экран.

— Интересно.

— Очень.

— Что ответишь?

Я подумала.

Потом написала:

«Добрый вечер. Могу завтра после работы. В кафе на Советской в 18:30».

Ответ пришёл через пару минут.

«Буду. И, Стася... не подписывайте ничего, что предложит Антон».

Я медленно опустила телефон.

Лена присвистнула.

— Вот это поворот.

Я смотрела на сообщение и чувствовала, как по коже бегут мурашки.

— Почему он так написал?

— Видимо, знает что-то.

В квартире стало тихо.

Но это была уже другая тишина.

Не пустая.

Напряжённая.

Как перед грозой.

Я открыла папку с документами и посмотрела на список.

Документы.

Юрист.

Деньги.

Работа.

Не верить словам.

Не бояться тишины.

Не возвращаться туда, где тебя уже предали.

Я взяла ручку и добавила восьмой пункт:

Узнать, что скрывает Антон.

Потому что теперь я была уверена: измена — это ещё не всё.

Там было что-то ещё.

Что-то, из-за чего его отец решил предупредить меня.

И впервые за эти дни мне стало по-настоящему страшно.

Не за брак.

С ним всё уже было понятно.

Мне стало страшно за себя.

За квартиру.

За деньги.

За ту жизнь, которую Антон, возможно, начал разбирать
гораздо раньше, чем я узнала о Милане.

Поздно вечером, когда Лена ушла, я осталась одна.

Села на пол возле дивана, разложила вокруг документы и
начала проверять всё заново.

Строка за строкой.

Платёж за платежом.

Дата за датой.

В какой-то момент глаза начали слипаться, но я заставля-
ла себя читать.

И вдруг увидела странное списание.

Не с общего счёта.

В выписке по ипотеке.

Дополнительный платёж.

Крупная сумма.

Три месяца назад.

Назначение: частичное досрочное погашение.

Я нахмурилась.

Мы с Антоном не обсуждали досрочное погашение.

Таких денег у нас тогда не было.

Я открыла детализацию.

Платательщик — Антон.

Счёт отправителя — не общий.

Я уставилась на цифры.

Откуда у него была такая сумма?

И почему он не сказал мне?

Телефон лежал рядом.

Я взяла его и написала Ольге Сергеевне:

«Нашла досрочное погашение ипотеки три месяца назад.

Крупная сумма с личного счёта Антона. Мы это не обсуждали. Это важно?»

Ответ пришёл не сразу, минут через десять.

«Да. Завтра пришлите документ. Возможно, супруг готовит позицию по увеличению своей доли или компенсации вложений. Ничего не обсуждайте с ним до консультации».

Я прочитала сообщение.

Потом ещё раз.

Увеличение своей доли.

Компенсация вложений.

Вот зачем он так быстро заговорил о продаже квартиры.

Вот почему его отец написал: «Не подписывайте ничего».

Я медленно откинулась спиной на диван.

На кухне тикали часы.

Те самые.

Семейное время.

Я вдруг встала, подошла к стене и сняла их.

Часы остановились в моих руках.

Стрелки показывали 23:17.

Я смотрела на них и думала: всё.

Хватит.

Их семейное время закончилось.

Теперь начиналось моё.

Я положила часы в коробку к магниту из Сочи.

Потом вернулась к документам.

Спать уже не хотелось.

Потому что боль — это страшно.

Измена — страшно.

Развод — страшно.

Но страшнее всего оказалось понять, что человек, которому ты доверяла жизнь, мог заранее готовить не только уход.

Он мог готовить удар.

А значит, больше нельзя было быть просто раненой женщиной.

Нужно было стать внимательной.

Холодной.

Точной.

Живой.

Я открыла новый файл на ноутбуке.

Назвала его:

«Антон. Факты».

И начала писать.

Июль — корпоративный выезд. Начало отношений с Миланой.

Август — ресторан, годовщина.

Сентябрь — досрочное погашение ипотеки с личного счёта.

Октябрь — ювелирный магазин, браслет.

Ноябрь — отель, признание, уход из квартиры.

Каждая строка была как гвоздь.

В крышку гроба нашего брака.

Но одновременно — как кирпич.

В фундамент моей новой жизни.

Под утро я закрыла ноутбук.

Легла в кровать.

Пустая половина рядом больше не пугала.

Наоборот.

Она казалась честной.

Впервые за долгое время рядом со мной не было человека, который дышал ложью.

Я выключила свет и прошептала в темноту:

— Ты думал, я не узнаю, Антон.

Потом закрыла глаза.

И почти сразу добавила уже тише:

— А я узнаю всё.

Глава 5. Отец, который сказал правду

Утро я встретила за кухонным столом.

Не потому, что выпалась.

Нет.

Я просто перестала пытаться уснуть.

Есть такие ночи, после которых утро не наступает, а продолжает пытку уже при свете. Ночь хотя бы честная — она тёмная, тихая, в ней можно спрятать лицо в подушку и сделать вид, что мир на паузе.

А утро безжалостное.

Оно включает свет.

Показывает чашку на столе.

Пустую половину шкафа.

Пакет с его забытым шарфом у двери.

Документы, разложенные аккуратными стопками, будто я готовилась не к разводу, а к проверке налоговой.

Я сидела в своей кухне, пила остывший чай и смотрела на файл на экране ноутбука.

«Антон. Факты».

Название казалось странным.

Сухим.

Жестоким.

Но, может быть, именно это мне сейчас и было нужно. Сухость. Факты. Даты. Суммы. Скриншоты. Всё, что не плачет, не вспоминает, не спрашивает: «А вдруг?»

А вдруг он одумается.

А вдруг позвонит.

А вдруг скажет, что всё было ошибкой.

Я закрыла глаза.

Нет.

Если человек четыре месяца строил вторую жизнь, это не ошибка.

Это не оступился.

Это не «сам не понял».

Это целая дорога, по которой он шёл шаг за шагом. И каждый раз, когда мог остановиться, выбирал идти дальше.

В дверь позвонили.

Я вздрогнула так резко, что едва не опрокинула кружку.

Сердце ухнуло вниз.

Антон?

Он мог прийти. Конечно, мог. Особенно после вчерашнего. После чека. После того, как понял, что я собираю факты.

Я подошла к двери на цыпочках и посмотрела в глазок.

На площадке стояла мама.

С пакетом в одной руке и с таким лицом, с каким матери приходят не в гости, а спасать.

Я открыла.

— Мам...

Она вошла молча.

Поставила пакет на пол.

Посмотрела на меня.

И всё.

Я выдержала ровно три секунды.

Потом оказалась в её объятиях.

Мама пахла холодной улицей, кремом для рук и домом. Тем самым домом, где в детстве можно было плакать в подушку, а утром находить на столе блины, потому что мама не умела чинить разбитое сердце, но умела кормить.

— Тихо, — сказала она, глядя меня по волосам. — Тихо, Стасенька. Я здесь.

— Я же просила не приезжать.

— А я сделала вид, что не слышала.

— Мам...

— Что мам? Я твоя мать. У меня бессрочный пропуск в твои катастрофы.

Я вдруг рассмеялась и заплакала одновременно.

Мама отстранилась, взяла моё лицо в ладони и внимательно посмотрела.

— Худющая. Бледная. Глаза красные. Всё, начинаем реанимацию.

— Мне на работу.

— Сначала завтрак.

— Мам, я не могу есть.

— Можешь. Просто не хочешь. Разница огромная.

Она прошла на кухню, открыла пакет и начала доставать контейнеры.

Сырники.

Куриный бульон.

Салат.

Пирожки.

Я смотрела на это богатство и почувствовала, как в горле снова встаёт ком.

— Ты когда успела?

— Ночью.

— Ты не спала?

Мама поставила контейнер на стол и посмотрела на меня строго.

— А ты думала, мать будет спать, когда у дочери муж оказался... человеком с пониженной моральной устойчивостью?

Я фыркнула сквозь слёзы.

— Как интеллигентно.

— Это потому что я ещё кофе не пила. После кофе формулировки станут хуже.

Она поставила чайник, потом увидела папки на столе.

Лицо её изменилось.

— Это всё?

— Документы. Выписки. Скриншоты.

Мама подошла, осторожно коснулась папки кончиками пальцев.

— Доченька, как же так...

В её голосе было столько боли, что я сразу выпрямилась.

— Мам, не надо.

— Что не надо?

— Жалеть меня так. Я развалюсь.

Она кивнула.

Медленно.

Поняла.

— Хорошо. Не буду жалеть. Буду злиться.

— Это у вас с Леной общее.

— Умная девочка твоя Лена.

Мама налила мне чай, поставила сырники и села напротив.

— Рассказывай.

Я рассказала.

Не всё — всё было бы слишком много. Но главное. Про Милану. Про сообщения. Про отель. Про годовщину. Про досрочное погашение ипотеки. Про звонок Нины Павловны. Про сообщение от отца Антона.

Мама слушала молча.

И только пальцы её всё сильнее сжимались на чашке.

Когда я закончила, она тихо спросила:

— Он поднял на тебя руку?

— Нет.

— Угрожал?

— Нет.

— Деньги с общего счёта выводил?

— Пока не знаю.

— Узнаем.

Я посмотрела на неё.

— Ты так спокойно говоришь.

Мама усмехнулась.

— Я не спокойна. Я сейчас внутри уже трижды придушила твоего Антона кухонным полотенцем. Но снаружи я мать взрослой дочери, которой нужна не истерика, а помощь.

Я впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на безопасность.

Не счастье.

Не облегчение.

Но безопасность.

— Сегодня я встречаюсь с его отцом, — сказала я.

Мама сразу напряглась.

— Одна?

— В кафе. После работы.

— Я могу посидеть рядом за другим столиком.

— Мам.

— Что? Я умею незаметно.

— Ты? Незаметно?

Она вздохнула.

— Ладно. Не умею. Но хочу.

Я накрыла её руку своей.

— Мне нужно самой.

Мама посмотрела на меня внимательно.

— Да. Нужно.

Потом добавила:

— Но после встречи сразу звони. И если он скажет хоть что-то неприятное, я передумаю насчёт полотенца.

До работы я добралась как в тумане.

Город жил своей обычной жизнью. Люди ругались в пробках, покупали кофе, опаздывали, смеялись, смотрели в телефоны. И мне было странно, что никто не видит: во мне идёт судебный процесс над прошлым.

Антон написал в десять утра.

«Нам нужно встретиться без твоих подруг и юристов. Это ненормально».

Я посмотрела на сообщение.

Раньше я бы начала объяснять.

Стараться, чтобы он понял.

Доказывать, что я не враг, не истеричка, не мстительная женщина.

Сегодня я просто переслала сообщение Ольге Сергеевне.

Через минуту написала Антону:

«Пиши конкретно, какой вопрос нужно обсудить».

Он ответил не сразу.

Потом:

«Наш развод».

Я:

«Юрист подготовит порядок обсуждения».

Антон:

«Ты превращаешь личное в юридическое».

Я долго смотрела на эти слова.

Потом набрала:

«Ты превратил личное в предательство. Я превращаю последствия в порядок».

И убрала телефон.

На работе день потянулся медленно.

Я делала задачи, но мысли всё равно возвращались к предстоящей встрече. Что мог знать Сергей Михайлович? Почему предупредил? Почему без Нины и Антона?

В обед мне позвонила Лена.

— Ну что, героиня бракоразводного триллера, как держишься?

— С переменным успехом.

— Антон писал?

— Да.

— Ныл?

— В деловом стиле.

— Значит, ныл шрифтом Times New Roman.

Я улыбнулась.

— Примерно.

— Про встречу с отцом помнишь? Не уходи с ним никуда из кафе. Не садись в машину. Не бери никаких конвертов без фото. Записывать разговор, наверное, не будем, но после сразу напиши мне всё.

— Ты как спецслужба.

— Я подруга женщины, которую пытаются обуть. Это хуже спецслужбы.

После звонка я открыла файл «Антон. Факты» и добавила новые сообщения.

Сухо.

Без эмоций.

Дата.

Содержание.

Скриншот.

Я вдруг поняла, что этот файл стал не просто доказательствами. Он стал способом не сойти с ума. Когда Антон писал «я честно сказал», я открывала файл и видела: июль, отель, Милана, браслет, чек на годовщину.

Факты держали меня за руку.

В шесть вечера я вышла из офиса.

До кафе на Советской было десять минут пешком. Я шла медленно, специально. Хотела успокоиться. Дождя не было, но воздух оставался влажным, холодным. Фонари уже зажглись, витрины магазинов отражались в лужах.

Кафе оказалось почти пустым.

У окна сидела молодая пара. За дальним столиком мужчина в очках читал новости в телефоне. Бариста протирал стойку.

Сергей Михайлович уже был там.

Сидел в углу, спиной к стене, перед ним стояла чашка чая.

Высокий, седоватый, в тёмном пальто. Антон был похож на него линией подбородка и глазами. Только у Сергея Михайловича взгляд был не холодный, а усталый.

Он встал, когда увидел меня.

— Стася.

— Добрый вечер.

— Спасибо, что пришли.

Мы сели.

Несколько секунд молчали.

Я положила сумку рядом с собой так, чтобы папка была под рукой. Он это заметил. И грустно улыбнулся.

— Правильно делаете.

Я насторожилась.

— Что именно?

— Не доверяете.

Эти слова прозвучали тихо, но очень тяжело.

К нам подошла официантка. Я заказала чай, хотя пить не хотела. Просто нужно было чем-то занять руки.

Когда официантка ушла, Сергей Михайлович сложил ладони на столе.

— Я долго думал, звонить вам или нет.

— Почему решили позвонить?

Он посмотрел в окно.

— Потому что когда мужчина поступает подло, другой мужчина не должен прикрывать это только потому, что он отец.

У меня внутри всё сжалось.

— Вы знаете про Милану?

— Знаю.

— Антон рассказал?

— Нина рассказала. Антон, как обычно, рассказал только ту часть, где ему больно.

Я невольно усмехнулась.

Сергей Михайлович посмотрел на меня внимательно.

— Вы изменились.

— За последние дни мне часто это говорят.

— Это не упрёк.

Я кивнула.

— Что вы хотели сказать?

Он вздохнул.

— Стася, мой сын не злодей. Я не хочу сейчас изображать его чудовищем.

Я внутренне напряглась.

Вот оно. Начало оправданий.

Но Сергей Михайлович поднял руку.

— Но он слабый человек. А слабый человек, когда хочет казаться сильным, способен на очень неприятные поступки.

Я молчала.

— Он всегда был таким, — продолжил он. — С детства. Если виноват — будет выкручиваться до последнего. Если испугался — сделает вид, что всё контролирует. Если сделал больно — начнёт объяснять, что его вынудили.

Я слушала и вдруг понимала: я знала это.

Просто называла иначе.

Усталостью.

Характером.

Мужской гордостью.

— Он хочет, чтобы квартира продавалась быстро, — сказал Сергей Михайлович.

Я выпрямилась.

— Почему?

— Потому что ему нужны деньги.

— Для чего?

Он посмотрел мне в глаза.

— У него долг.

Я замерла.

В кафе стало слишком тихо.

Даже музыка, казалось, отодвинулась куда-то далеко.

— Какой долг?

— Большой.

— Насколько большой?

Он назвал сумму.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

Это была не просто большая сумма.

Это была сумма, от которой внутри становилось пусто.

— Откуда? — спросила я.

— Вложился в проект с приятелем. Какая-то строительная история. Обещали быструю прибыль. Потом взял ещё.

Потом перекрыл одно другим.

— Он мне ничего не говорил.

— Знаю.

— Когда это началось?

— Весной.

Весной.

То есть ещё до Миланы.

До июля.

До всего.

Я сжала пальцы под столом.

— И досрочное погашение ипотеки?

Сергей Михайлович посмотрел на меня с удивлением.

— Вы нашли?

— Да.

Он медленно кивнул.

— Я дал ему деньги.

— Вы?

— Да. Он сказал, что хочет внести больше в квартиру. Что так будет спокойнее. Я тогда не знал про долги. Думал, человек взялся за голову.

— Зачем ему это было?

Сергей Михайлович устало потёр лоб.

— Возможно, чтобы потом заявить, что его вложения больше. Я не юрист. Но теперь понимаю, что он мог готовиться.

Слова падали на меня одно за другим.

Весна — долги.

Июль — Милана.

Сентябрь — платёж по ипотеке.

Ноябрь — желание срочно продать квартиру.

Всё складывалось в картину.

Страшную.

И слишком логичную.

— Он хотел продать квартиру, чтобы закрыть долг, — сказала я.

— Думаю, да.

— А мне что он собирался оставить?

Сергей Михайлович не ответил.

И этот молчаливый ответ был хуже любого признания.

Я откинулась на спинку стула.

— Господи.

— Стася, я не знаю всех деталей. Но знаю, что вчера он говорил с Ниной. Он хочет предложить вам соглашение. Быстрое. Без суда. Мол, чтобы не мучить друг друга.

Я горько рассмеялась.

— Как заботливо.

— Не подписывайте.

— Я уже поняла.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист.

— Здесь данные перевода, который я ему делал. И переписка, где он просил деньги. Там видно, что это была помощь ему лично. Не вам. Не вашей семье. Именно ему.

Я посмотрела на лист, но не взяла сразу.

— Почему вы мне это даёте?

Сергей Михайлович долго молчал.

Потом сказал:

— Потому что когда-то моя жена тоже промолчала, когда надо было сказать правду.

Я подняла глаза.

Он смотрел в чашку.

— Нина Павловна?

Он усмехнулся без радости.

— Нет. Первая жена.

Я замерла.

Я знала, что у Сергея Михайловича был первый брак. Но в семье Антона об этом почти не говорили. Нина Павловна всегда произносила это с таким выражением, будто речь о неприятной ошибке молодости.

— Я ушёл тогда, — сказал он тихо. — Тоже думал, что имею право на счастье. Тоже говорил красивые слова. Тоже считал, что жена сильная, справится. Она справилась. Но потом я много лет понимал, что справиться и не быть разрушенной — разные вещи.

Он поднял на меня глаза.

— Я не хочу, чтобы мой сын прошёл по той же дороге и ещё получил за это приз.

Я не знала, что сказать.

В горле стоял ком.

— Вы поэтому не защищаете Антона?

— Я защищаю его от самого худшего — от уверенности, что за подлость ничего не бывает.

Я взяла лист.

Пальцы чуть дрожали.

— Спасибо.

— Не благодарите. Это не подарок. Это долг.

Мы молчали.

Потом он сказал:

— Нина будет давить.

— Уже начала.

— Она любит Антона слепо. Это не оправдание, просто факт. Она будет говорить про прощение, семью, женскую мудрость. Не слушайте.

Я почти улыбнулась.

— Она уже сказала, что мужчины иногда ошибаются.

Сергей Михайлович поморщился.

— Мужчины иногда ошибаются в размере рубашки. А это выбор.

Эта фраза неожиданно согрела меня больше, чем весь чай.

— Стася, — он наклонился чуть ближе. — Я не прошу вас уничтожать Антона.

— Я и не хочу.

— Знаю. Поэтому и пришёл. Вы не похожи на человека, который хочет мести. Вы похожи на человека, который всё ещё пытается понять, где была правда.

Я опустила глаза.

— Да.

— Не ищите её в его словах. Сейчас он будет говорить то, что выгодно.

— А раньше?

Сергей Михайлович тяжело вздохнул.

— А раньше он говорил то, что было удобно.

Я закрыла глаза.

Больно.

Очень больно.

Потому что это было точно.

Всю дорогу домой я держала в сумке лист от Сергея Михайловича так, будто там лежала не переписка, а взрывчатка.

Я позвонила Лене прямо из такси.

— Ну? — сразу спросила она.

— У Антона долги.

— Что?!

Я пересказала.

Коротко.

По фактам.

Лена молчала почти до конца.

Потом сказала:

— Вот же...

— Да.

— Стася, это уже не просто развод.

— Я знаю.

— Тебе нужно завтра к юристу.

— Уже написала.

— И маме скажи.

— Скажу.

— И не встречайся с Антоном одна. Вообще.

Я посмотрела в окно такси на размытые огни.

— Я уже не хочу его видеть.

— Это пройдёт?

Я подумала.

Перед глазами возник Антон на нашей свадьбе. Антон с цветами после корпоративного выезда. Антон, говорящий: «Я честно сказал, что хочу развода». Антон у машины рядом с Миланой.

— Не знаю, — сказала я. — Но что-то во мне сегодня умерло окончательно.

Дома я первым делом сфотографировала листы и отправила Ольге Сергеевне.

Она перезвонила почти сразу.

— Станислава, это серьёзно.

— Я поняла.

— Завтра утром приезжайте. Будем смотреть стратегию. И ещё раз: никаких соглашений, никаких устных договорённостей, никаких встреч без фиксации.

— Хорошо.

— Супруг знает, что вы встречались с его отцом?

Я замерла.

— Не знаю.

— Лучше исходить из того, что узнает.

После звонка я набрала маму.

Она ответила мгновенно.

— Ну?

— Мам, у Антона долги.

Пауза.

— Я сейчас приеду.

— Нет, мам. Уже поздно.

— Стася.

— Пожалуйста. Я устала. Я хочу просто лечь.

Мама помолчала.

— Хорошо. Но телефон не выключай.

— Не выключу.

— Дверь на цепочку.

— Мам.

— На цепочку.

— Хорошо.

Я действительно закрыла дверь на все замки и на цепочку.

Потом села на пол в прихожей.

Не знаю почему.

Наверное, ноги просто перестали держать.

В квартире было тихо.

И эта тишина больше не казалась пустотой.

Она казалась ожиданием.

Как будто стены тоже слушали, что будет дальше.

В одиннадцать вечера раздался звонок в дверь.

Я не шевельнулась.

Сердце сразу забилося так сильно, что стало больно.

Звонок повторился.

Потом стук.

— Стася, открой.

Антон.

Я медленно поднялась.

Подошла к двери, но не открыла.

— Что тебе нужно?

— Поговорить.

Голос был злой.

Не усталый.

Не виноватый.

Злой.

— Пиши.

— Открой дверь.

— Нет.

Пауза.

— Ты встречалась с моим отцом?

Вот и всё.

Узнал.

— Да.

Он ударил ладонью по двери.

Я отступила на шаг.

Не сильно.

Но звук был страшный.

— Какого чёрта ты втягиваешь мою семью?

Я почувствовала, как страх холодной полосой прошёл по спине.

Но голос мой, когда я ответила, был ровным.

— Твой отец сам написал мне.

— Не ври.

— Антон, уходи.

— Что он тебе сказал?

— Уходи.

— Что он тебе сказал?!

Я достала телефон и включила запись видео, направив камеру на дверь.

Руки дрожали, но я держала.

— Антон, я фиксирую разговор. Ты стоишь у моей двери, кричишь и бьёшь по ней. Уходи.

За дверью стало тихо.

Очень тихо.

Потом он сказал уже ниже:

— Ты совсем с ума сошла?

— Возможно. Но запись идёт.

Он выругался.

Шаги.

Потом снова голос, уже дальше:

— Ты пожалеешь, Стася.

И он ушёл.

Я стояла у двери ещё несколько минут.

Телефон продолжал записывать.

Я боялась выключить.

Боялась пошевелиться.

Боялась услышать, что он вернулся.

Когда в подъезде окончательно стало тихо, я медленно опустилась на пол.

Меня трясло.

Не от боли.

От страха.

От настоящего, физического страха перед человеком, с которым я ещё недавно спала в одной кровати.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Антона:

«Прости. Я сорвался. Не надо было приезжать. Просто отец наговорил тебе лишнего».

Я смотрела на экран.

Вот он.

Весь Антон.

Сначала ударить.

Потом извиниться.

Потом обесценить правду.

Я переслала запись и сообщение юристу, Лене и маме.

Лена позвонила сразу.

— Я еду.

— Не надо.

— Даже не начинай.

— Лен...

— Открывай через двадцать минут.

Через двадцать минут она действительно была у меня. С растрёпанными волосами, в спортивных штанах и с таким лицом, будто готова была лично патрулировать подъезд.

— Всё, — сказала она, входя. — Сегодня ты не одна.

Я не спорила.

Просто обняла её.

И впервые призналась вслух:

— Мне страшно.

Лена крепко прижала меня к себе.

— Я знаю.

— Я не думала, что он может так.

— Никто не думает. Пока не увидит.

Мы сидели на кухне до глубокой ночи.

Она заставила меня выпить тёплый чай. Потом проверила замки. Потом уложила меня в спальне, а сама устроилась на диване.

Но я всё равно долго не спала.

Смотрела в потолок и думала о том, что за последние дни Антон менялся в моих глазах быстрее, чем я успевала прощаться с прежним образом.

Муж.

Изменщик.

Лжец.

Человек с долгами.

Человек, который пришёл к моей двери и ударил по ней ладонью.

Каждое новое слово отнимало у прошлого ещё один кусок.

И всё же где-то глубоко внутри продолжала болеть не только обида.

Болела память.

Память всё ещё подсовывала мне его смех, его руки, его голос в первые годы.

Но теперь рядом с этими воспоминаниями стояла дверь.

И глухой удар ладони по ней.

Утром я проснулась от сообщения.

Оно было от Миланы.

С нового номера.

«Не надо настраивать его семью против него. Антон из-за вас в ужасном состоянии. Вы добились своего?»

Я смотрела на эти строки и вдруг поняла, что больше не чувствую к ней даже ненависти.

Только холодное удивление.

Она всё ещё думала, что это история любви.

Что она — женщина, которая борется за мужчину.

Что я — бывшая жена, мешающая счастью.

Она не понимала, что стоит рядом с человеком, который сейчас показывает своё настоящее лицо.

И, возможно, однажды это лицо повернётся к ней.

Я не ответила.

Сделала скриншот.

Отправила юристу.

Потом открыла файл «Антон. Факты» и добавила новую строку:

Ноябрь. Антон пришёл к двери, кричал, ударил по двери, угрожал. После — сообщение с извинением.

Ниже добавила:

Милана продолжает писать с новых номеров.

Я посмотрела на документ.

Он становился всё длиннее.

И с каждой новой строкой мой брак становился всё дальше.

Не потому, что я хотела.

Потому что правда вытесняла иллюзии.

Лена вошла на кухню, зевая.

— Жива?

Я подняла глаза.

— Да.

Она посмотрела на ноутбук.

— Опять факты?

— Да.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

Лена села напротив.

— Потому что когда-нибудь, если тебе вдруг захочется

поверить, что всё было не так страшно, ты откроешь этот файл и вспомнишь.

Я кивнула.

Она была права.

Память умеет предавать.

Особенно женская память, натренированная любить.

Она стирает плохое, смягчает углы, оправдывает, ищет причины.

А факты не умеют обнимать.

Зато они не лгут.

В девять утра я уже была у Ольги Сергеевны.

На этот раз не просто с папкой.

С флешкой.

С распечатками.

С записью.

С перепиской отца Антона.

Юрист просмотрела всё внимательно.

Её лицо становилось всё серьёзнее.

— Станислава, ситуация усложняется.

— Насколько?

— Настолько, что действовать нужно быстро.

Я почувствовала, как внутри снова сжимается холод.

— Что делать?

— Первое. Мы готовим официальное уведомление супругу, что все имущественные вопросы решаются через представителя. Второе. Фиксируем угрозу. Пока без заявления,

если не хотите обострять, но запись сохраняем. Третье. Проверяем долговые обязательства. Вам нужно узнать, не являетесь ли вы где-то созаёмщиком или поручителем.

— Я не подписывала ничего.

— Хорошо. Но проверим.

Она сделала пометки.

— И ещё. Возможно, имеет смысл подать иск первыми.

Я замерла.

— На развод?

— На развод и раздел имущества. Чтобы не играть по его темпу.

Я опустила глаза.

Вот оно.

Не разговоры.

Не надежды.

Не «может, он поймёт».

Иск.

Развод.

Раздел.

Бумага, которая официально скажет: семья закончилась.

— Я думала, у меня будет больше времени, — тихо сказала я.

Ольга Сергеевна посмотрела на меня мягче.

— Время у вас было, когда вы думали, что живёте в браке. Сейчас у вас другая задача.

— Какая?

— Не дать человеку, который уже обманул вас эмоционально, обмануть вас ещё и имущественно.

Я кивнула.

Медленно.

— Готовьте.

Слово прозвучало тихо.

Но после него внутри что-то изменилось.

Я сказала это сама.

Не под давлением.

Не в истерике.

Не чтобы отомстить.

А потому что поняла: назад дороги нет.

Когда я вышла от юриста, на улице светило солнце.

Впервые за несколько дней.

Оно было холодное, ноябрьское, но всё равно солнце.

Я остановилась на ступенях и подняла лицо к свету.

Телефон завибрировал.

Антон.

Я смотрела на его имя.

Не ответила.

Он написал:

«Нам надо остановиться, пока не поздно».

Я долго смотрела на эту фразу.

Пока не поздно.

Поздно было в июле, Антон.

Когда ты впервые выбрал её.

Поздно было на нашей годовщине, когда ты ужинал не со мной.

Поздно было, когда ты готовил квартиру к продаже в своей голове.

Поздно было вчера, когда ты ударил по моей двери.

Я написала:

«Поздно уже было тогда, когда ты решил, что я ничего не узнаю».

Отправила.

Потом открыла чат с Ольгой Сергеевной и написала:

«Подаём».

И впервые за долгое время не заплакала.

Потому что это был не конец моей жизни.

Это был конец его власти надо мной.

Глава 6. Подать первой

Слово «подаём» оказалось тяжелее, чем я думала.

Я написала его Ольге Сергеевне почти спокойно. Даже уверенно. На улице светило холодное ноябрьское солнце, в руке был телефон, в сумке — папка с документами, а внутри меня — странная тишина.

Я думала, после этого должно стать легче.

Ну хоть немного.

В книгах героини после таких решений обычно расправляют плечи, смахивают слезу, выходят из кабинета юриста другими женщинами и идут навстречу новой жизни.

Я тоже расправила плечи.

Только новая жизнь не встретила меня аплодисментами.

Она встретила меня пустотой в животе, дрожью в коленях и одним единственным вопросом:

«А ты точно справишься?»

Я стояла на ступенях у офиса Ольги Сергеевны и смотрела на прохожих. Люди шли мимо — быстрые, занятые, обычные. У кого-то в руках был кофе. Кто-то говорил по телефону. Молодая мама поправляла шарф ребёнку. Пожилой мужчина нёс букет хризантем, аккуратно прижимая его к груди.

У всех была жизнь.

А у меня — иск о разводе.

Я вдруг поймала себя на том, что хочу позвонить Антону.

Не для того, чтобы вернуть.

Не для того, чтобы простить.

Просто услышать голос того человека, который раньше был моим домом.

Это было ужасно.

После всего.

После Миланы.

После долгов.

После двери.

После его «ты пожалеешь».

Я всё равно хотела услышать его голос.

Не нынешнего Антона — злого, загнанного, трусливого. А того, прошлого. Который смеялся в нашей кухне, крал у меня последний кусок пиццы, грел мои ноги под одеялом и говорил, что у нас обязательно будет дом с большой террасой.

Я ненавидела себя за это желание.

Но оно было.

Любовь, даже преданная, не уходит строем. Она не собирает чемодан за одну ночь. Она остаётся в мелочах, прячется в памяти, цепляется за привычку. И иногда, когда ты уже всё решила, вдруг поднимает голову и шепчет:

«А может, ещё можно?»

Я сжала телефон крепче.

Нет.

Нельзя.

Можно было тогда, когда он впервые почувствовал, что отдаляется, и пришёл ко мне говорить.

Можно было тогда, когда после корпоративного выезда он вернулся с цветами и мог сказать правду.

Можно было тогда, когда Милана стала не ошибкой, а выбором.

Теперь нельзя.

Теперь можно только спасти себя.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Ольги Сергеевны:

«Я подготовлю первичный пакет документов. Сегодня до конца дня пришлю перечень недостающего. До подачи желательно получить справку по кредитной истории и ещё раз проверить общие счета».

Я ответила:

«Хорошо».

Одно слово.

Как будто я не подписывала им похоронный лист своей семьи.

Потом позвонила маме.

Она ответила сразу, будто держала телефон в руке.

— Ну?

— Мам... мы подаём.

На том конце стало тихо.

Я ждала.

Почему-то боялась, что она скажет: «Может, не торо-

пись». Или: «Подумай ещё». Или ту страшную фразу, которую женщины часто слышат от других женщин: «Семью надо сохранять».

Но мама сказала другое:

— Правильно.

И всё.

Одно слово.

Но от него у меня подкосились ноги. Я опустилась на лавочку у входа.

— Ты уверена?

— В том, что тебе больно? Да. В том, что будет тяжело? Да. В том, что тебе надо себя спасти? Абсолютно.

Я закрыла глаза.

— Я боюсь.

— Конечно боишься.

— Мне кажется, я не справлюсь.

— Справишься.

— Откуда ты знаешь?

Мама вздохнула.

— Потому что ты уже справляешься. Просто пока тебе кажется, что справляться — это не плакать. А справляться — это плакать и всё равно делать, что нужно.

Я сглотнула.

— Мам...

— Я вечером приеду?

— Не надо. Лена вчера ночевала, ты утром приезжала. Я

не хочу, чтобы вы все вокруг меня ходили как вокруг больной.

— Ты не больная. Ты раненая.

— Тем более.

— Хорошо. Не приеду. Но суп у тебя в холодильнике.

Я невольно улыбнулась.

— Ты невозможная.

— Да. И ещё. Дверь никому не открывай. Антону особенно.

— Хорошо.

— И Стася.

— Что?

— Когда станет совсем плохо, не делай вывод, что решила неправильно. Боль — не доказательство ошибки.

Я молчала.

Эта фраза попала прямо в сердце.

Боль — не доказательство ошибки.

Потому что именно этого я боялась. Что если мне так больно, значит, я всё ещё люблю. А если люблю, значит, надо бороться. А если надо бороться, значит, подача на развод — предательство уже с моей стороны.

Но мама будто вытащила эту мысль на свет и сказала: нет.

Боль просто означает, что рана настоящая.

А не то, что надо снова подставиться под нож.

— Я поняла, — тихо сказала я.

После разговора я поехала на работу.

День тянулся странно. Я была одновременно здесь и не здесь. Подписывала документы, отвечала на письма, слушала коллег на коротком совещании. Когда Марина Викторовна задала мне вопрос по проекту, я ответила чётко и по делу. Даже сама удивилась.

Внутри всё рушится, а мозг всё равно способен считать проценты, проверять сроки и формулировать деловые письма.

Наверное, так женщины и выживают.

Не потому, что не больно.

А потому что боль не отменяет дедлайны.

После обеда мне пришло сообщение от неизвестного номера.

Я уже почти привыкла вздрагивать.

Открыла.

«Стася, это Нина Павловна. Антон сказал, вы решили подать на развод. Я считаю, нам нужно поговорить по-женски».

Я смотрела на фразу «по-женски» и чувствовала, как внутри поднимается усталость.

По-женски.

Это, наверное, значит: без закона, без фактов, без защиты своих интересов. Сесть на кухне, налить чай, услышать, что мужчины слабые, Милана временная, Антон страдает, а мудрая женщина должна не разрушать, а сохранять.

Я не ответила.

Через минуту пришло второе:

«Не делайте того, о чём потом пожалеете. Антон очень эмоционален сейчас».

Я закрыла глаза.

Антон эмоционален.

А я, видимо, просто бытовая техника. Должна работать стабильно при любых перепадах напряжения.

Я переслала сообщения Ольге Сергеевне.

Потом написала Нине Павловне:

«Все вопросы по разводу и имуществу будут решаться в правовом порядке. Личные обсуждения сейчас невозможны».

Ответ пришёл почти сразу:

«Значит, вы всё-таки решили воевать».

Я долго смотрела на экран.

Потом написала:

«Я решила не сдаваться».

И на этом выключила уведомления.

Ближе к вечеру Марина Викторовна снова позвала меня в кабинет.

— Станислава, ты подумала насчёт позиции?

Я села напротив.

— Честно? Не успела.

— Тогда думай сейчас.

Я моргнула.

— Сейчас?

— Да. Я люблю экономить время.

Она положила передо мной лист с описанием должности.
— Обязанностей больше. Клиенты сложнее. Зарплата выше. Ответственность выше. Нужна собранность и готовность брать решения на себя.

Я усмехнулась.

— Звучит как мой развод.

Марина Викторовна подняла бровь.

— Тогда считай, что жизнь проводит тебе бесплатное обучение управлению кризисами.

Я посмотрела на лист.

Внутри шевельнулся страх.

А вдруг не справлюсь?

А вдруг сейчас не время?

А вдруг я развалюсь посреди проекта?

Но следом появилась другая мысль.

А если справлюсь?

А если именно сейчас мне нужно что-то, что будет моим?

Не нашим с Антоном.

Не общим.

Не связанным с прошлым.

Моим.

— Я подам заявку, — сказала я.

Марина Викторовна кивнула, будто и не сомневалась.

— Хорошо. Подготовь краткое резюме проектов за последний год. И подумай, что скажешь на внутреннем собеседовании.

— Хорошо.

Я уже вставала, когда она вдруг добавила:

— И ещё.

— Да?

— Не позволяй личной катастрофе убедить тебя, что ты стала меньше. Обычно всё наоборот. Просто это неприятный способ роста.

Я вышла из кабинета с листом в руках.

И впервые за весь день мне захотелось не просто выжить.

Мне захотелось выиграть.

Не у Антона.

Не у Миланы.

У той жизни, которая пыталась согнуть меня пополам.

Вечером я заехала в банк за дополнительными справками.

Потом купила себе кофе на вынос, хотя обычно экономила на таких мелочах. Антон всегда говорил:

— Дома кофемашина стоит, зачем переплачивать?

И я соглашалась.

Сегодня я шла по улице с бумажным стаканчиком в руке и думала: странно, как много в браке бывает маленьких запретов, которые даже не звучат как запреты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.